

ЖАРКОЕ ДЫХАНИЕ ПРОШЛОГО

The background of the cover is a solid light green. In the upper center, a man and a woman in historical attire are shown in a romantic embrace, their faces close together. A large, flowing red fabric, resembling a cape or a large sheet, billows around them. To the right of the couple, there are stylized flames in shades of yellow and orange. In the lower right corner, there is a dark, ornate wooden door with intricate carvings and a large metal ring handle. Numerous gold coins are depicted in mid-air, falling from the top left towards the bottom center of the cover.

ТАТЬЯНА ПОЛЯКОВА

авантюрный детектив

Татьяна Викторовна Полякова
Жаркое дыхание прошлого
Серия «Я и Владан Марич», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9309105

Жаркое дыхание прошлого : роман / Татьяна Полякова: Эксмо; Москва;

2015

ISBN 978-5-699-79334-1

Аннотация

Жизнь в последнее время, несмотря на все проблемы, радовала. Правду говорят – любовь творит чудеса! Даже если эта любовь загорает на Мальдивах в компании красоты. Ничего, проявим терпение, и Владан Марич поймет, что я его судьба. А пока, может, заняться делом? Меня заинтересовало преступление, совершенное одиннадцать лет назад, ведь с недавнего времени я сыщик, помощник сыщика или секретарь... не важно. Одним словом, это теперь моя работа. Раз Владан отдыхает, значит, я могу расследовать убийство Олега Кириллова, завербовав в помощники участкового Егора Кругликова. Владан обхохочется, когда обо всем узнает... Но мне и в ночном кошмаре не могло присниться, к чему приведет история с обнаружением трупа юноши, исчезнувшего одиннадцать лет назад и до сего дня считавшегося пропавшим без вести...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

91

Татьяна Полякова

Жаркое дыхание прошлого

© Полякова Т.В., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

За окном не было ничего интересного. Мальчишки играли в футбол, потрепанный мяч, давно потерявший первоначальный цвет и даже форму, став слегка приплюснутым, то и дело вылетал на проезжую часть, водители матерились в открытые окна, а мальчишки, в зависимости от того, свой это был человек или случайно заехавший в наши края, либо молча поднимали мяч, либо ругались в ответ заливисто и зло. Наблюдать за этим мне надоело еще полчаса назад, а рабочий день был в самом разгаре.

В офисе тишина, если не считать ровного гула работающего кондиционера. Удивляться тишине, по меньшей мере, странно, учитывая, что все сотрудники представлены в единственном лице – моем собственном. Я уже протерла пыль, вымыла полы и дважды выпила кофе. Других дел придумать не удалось. Собственно, ничто не мешало убраться отсюда, более того, при желании в офис можно и вовсе не приходить, потому что мой работодатель отправился на Мальдивы

и вернется еще не скоро, а без него делать здесь мне нечего. Хотя и в прочие дни Владану было нелегко найти для меня занятие. Мой босс далеко не каждый день заглядывал в офис, только когда вдруг появлялся клиент и возникала необходимость с ним встретиться. Клиентов Владан не искал, они его сами находили.

Тут надо пояснить, что у нас за лавочка и как я здесь оказалась. Этой зимой была убита моя подруга при весьма странных, если не сказать загадочных, обстоятельствах. Расследование зашло в тупик, убийца, вероятно, остался бы безнаказанным, и я решила обратиться к частному детективу. Вот тогда судьба и свела меня с Владаном Маричем. Правда, до этого мы однажды уже виделись, тогда мне было десять лет, что не помешало влюбиться в него по самые уши. Однако обстоятельства встречи не предполагали продолжения знакомства. Зато, когда господь свел нас вторично, моя детская влюбленность вспыхнула с новой силой. Убийцу моей подруги мы нашли, но счастья мне это не прибавило¹. Не прояви я настойчивости, жизнь, скорее всего, развела бы нас с Владаном в разные стороны, как уже сделала однажды. Но я терять его не хотела и не могла. Звучит банально до оскомины во рту, однако действительность была такова: жизнь без него начисто лишена смысла. Хотя Владана его жизнь вполне устраивала, и менять он в ней ничего не собирался. Ти-

¹ Подробно об этой истории читайте в романе Т. Поляковой «Найти, влюбиться и отомстить», издательство «Эксмо».

пичный частный сыщик из американских фильмов. Крутой, одинокий и пьющий.

Тут я весело фыркнула и опять уставилась в окно. Придется внести поправки: пить он завязал, по крайней мере, дал мне слово не злоупотреблять, а сомневаться в его слове мне в голову не придет. Опять же, одиноким назвать его язык не поворачивается, потому что укатил он на Мальдивы с давней подругой (слава богу, жили они пока все-таки врозь, хоть и по соседству). Оставалась только крутость, вот этого точно не отнимешь. В этом районе, который считался средоточием пороков и прозывался Ямой, хоть и по другой причине, так вот, здесь Владана Марича, или попросту Сербба, знал каждый. Это позволяло мне шлаться вечерами по улицам, ни о чем не беспокоясь, и это при том, что в темное время суток сюда даже таксисты ехать отказывались. О Мариче ходили легенды, в основном о его боевом прошлом. По отцу он боснийский серб, и война на Балканах навсегда изменила его жизнь. Однако у желающих почесать языки была масса поводов сделать это, не углубляясь в приснопамятные времена.

Дела, за которые брался Владан, как правило, были запутанны, сложны и опасны, а людская молва быстренько превращала недавнее расследование в очередной подвиг, что Сербба неизменно удивляло и даже злило, но поделаться с этим он ничего не мог. Людям нужны герои, вот он им и стал, против своей воли, но, с моей точки зрения, абсолютно заслуживающий.

женно. Большая часть живущих здесь мою точку зрения разделяли. Хотя были и те, кто Мари́ча ненавидел, и для этого поводов тоже хватало...

Он не хотел ничего менять в своей жизни, а я не хотела его потерять. В итоге мы сошлись на том, что он возьмет меня на работу, что и сделал по доброте душевной. Кое-что все же так позволяло предположить, что ко мне он питает некие чувства (дружеские чувства меня, само собой, не очень-то интересовали, вовсе не дружбы я ждала от него), однако мои девичьи надежды рассыпались в прах, когда он уже на второй день моего трудоустройства заявил, что раз клиентов у нас нет, ничто не мешает ему отдохнуть.

Обращались к нему, как я уже сказала, в ситуациях трудных и даже безнадежных, и он до сего дня с работой прекрасно справлялся. Говорят, неудач у него не было. Сам Владан по этому поводу лишь усмехался и заявлял, что неудачи бывают у всех, но мне о них не поведал (он вообще не любитель поговорить), а людская молва о таковых умалчивает, следовательно, можно считать: их не было. Наверное, по этой причине услуги моего работодателя стоят немало. Он мог позволить себе безбедную жизнь и не торопился искать новых клиентов. И офис мог купить в центре города, но предпочел этот пропащий район, потому что здесь вырос и считал его своим. Лично мне было все равно, где обретаться, лишь бы рядом с Владаном, и когда он заговорил об отдыхе, сердце мое затрепетало в предчувствии близкого счастья: я реши-

ла, что отдыхать мы поедем вдвоем. Хотя с чего бы вдруг? Владан достаточно прозрачно намекнул: на работу он меня берет, чтобы, находясь рядом, я поняла, что с любовью дала маху, и скоренько от нее избавлялась.

Его подружка в восторг от моего водворения в офисе не пришла, но Владан заявил: «Придется ей это пережить». И я по глупости расценила это как первую победу: один – ноль в мою пользу, а там, глядишь... Вот тут Владан и решил сравнять счет, чтоб я не особо в мечтах зависала: на Мальдивы он отправился с Маринкой. И мне пришлось это съесть, глазом не моргнув. Потому что, начини я возражать, мне бы тут же указали на дверь.

В общем, мы вместе работаем, а все остальное лишь в моих фантазиях... Фантазия, кстати, разыгралась. Я зашла так далеко, что безжалостно утопила Маринку во время шторма, когда она решила искупаться, ничего не сказав Владану. С мозгами у Маринки все в порядке, так что кончина на Мальдивах ей не грозит, даже если цунами на остров обрушится.

«Никаких цунами, – испуганно подумала я, злясь на дурацкие мысли. – Пусть отдыхают и трахаются в свое удовольствие (вот ведь свинство!), лишь бы знать, что с Владаном все хорошо». Зря я на Маринку злюсь, ей так же скверно, как и мне, или почти так же. Любовниками мы с Сербом не стали, но надежды я не теряю, а значит, бессонные ночи его пассии обеспечены.

Когда голубки упорхнули, я в отместку затеяла в офисе

ремонт, и теперь наша контора выглядела респектабельно. Стильная мебель, обои благородных тонов, ковер на полу и золотая табличка рядом с входной дверью. Табличка была лаконичной: «В. С. Марич». Хотелось приписать «детектив» или даже «детективное агентство», но я не рискнула. Впрочем, недолго ей там красоваться, Марич свинтит ее в первый же день. Хорошо еще, если этим и ограничится.

«А не фига отдыхать с кем попало», — мысленно съязвила я и обвела офис взглядом.

Классно получилось. В углу новенькая кофемашина... есть даже крохотная кухня, спрятанная в шкафу-купе, где можно готовить. Не придется бегать в кафешку через дорогу. Впрочем, толстуху Тамару, которая заправляла в кафе, новшества не порадуют. Я вздохнула и почесала карандашом затылок. Отправиться домой? Вряд ли на голову клиент свалится. Даже если свалится, что мне с ним делать? Расспросить, навести справки... одним словом, имитировать бурную деятельность в ожидании, когда Владан вернется. Вернется и заявит, что дело нам не подходит, и все мои труды окажутся напрасны... Запросто может заявить просто из упрямства. Уж очень не любит, когда за него решают. Жаль, у меня нет ключа от его квартиры. Вот бы где стоило ремонт сделать. Жуткая берлога. Там даже Маринке не позволялось относительный порядок навести. Тем слаще была бы моя месть... Нет, не годится. Чего доброго, к Маринке переедет, а свою квартиру вообще продаст.

Мальчишки за окном прекратили игру и куда-то смылись, теперь можно было наблюдать лишь за машинами, проезжающими мимо. Вдохнув, я поднялась, выключила кондиционер и решила выпить кофе у Тамары, узнаю последние новости, хотя и с новостями не густо.

Я вышла на крыльцо, заперла дверь и потерла табличку бумажной салфеткой. Табличка сияла на солнце, а я вновь вздохнула. Еще несколько дней, и Владан наконец вернется. Пусть злится, крушит все вокруг и грозитя меня уволить, лишь бы приехал поскорее.

На соседней улице грохот, будто сваи заколачивали, хотя вряд ли, скорее что-то ломают: над крышами поднималось пыльное облако. Я перешла через дорогу и толкнула дверь кафе. Тамара, опершись на стойку, смотрела телевизор, тут же пристроились двое молодых людей, пили пиво и таращились на бюст барменши, слегка прикрытый блузкой из прозрачной материи. Бюст у Тамары выдающийся, а сердце доброе, хотя меня она не то чтобы недолюбливала... скорее, считала, что мое присутствие в офисе Владана не пойдет ему на пользу. К Владану она испытывала признательность за помощь, суть которой не разглашала. Признательность щедро была приправлена безграничным уважением и восхищением, переходящим в обожание. Я бы могла посмеяться над этим, но, во-первых, он эти чувства заслуживал, а, во-вторых, они были подозрительно схожи с моими.

– Привет, – сказала я, подходя ближе.

Тамара посмотрела в мою сторону и молча кивнула. Потом, точно нехотя, направилась к кофемашине, вскоре поставила передо мной чашку и спросила с легкой усмешкой:

– Не знаешь, чем себя занять?

Вопрос, с моей точки зрения, ответа не требовал. Я отпила кофе и чашку чуть отодвинула, напиток был слишком горячим, к тому же несладким. Несладкий кофе, по-моему, страшная гадость.

– Сахар дай, – буркнула я.

Тамара протянула мне сахарницу и вновь уставилась в телевизор. Работал он беззвучно, повернув голову, я убедилась, что идет очередной модный показ, ничего другого Тамара принципиально не смотрела, хотя вряд ли особо интересовалась модой.

– Что за грохот на улице? – спросила я, не обнаружив у Тамары особого желания общаться и все же на это самое общение надеясь.

– Седьмой дом ломают, – ответила она. – Бизнес-центр будут строить. Мало нам бизнес-центров...

– Это точно... – Похоже, тема себя исчерпала. – Седьмой дом – это тот, что на углу сеткой затянут? – вновь спросила я.

– Он самый, третий день ломают. Два этажа снесли, мусор вывозят. Прораб к нам заходил, сказал, на этой недели все расчистят. Еще поведал, что рядом сквер будет. С фонтаном.

Облагородить район местные власти пытались неоднократно, но попытки особо удачными не назовешь. Открыли

большую детскую площадку, и ее тут же облюбовали алкаши, мамы с детишками туда ни ногой, дворники тоже ее игнорировали. В результате благое начинание дало прямо противоположный результат: появилась еще одна несанкционированная помойка, а их и без того хватало. Дома здесь в основном были старыми. Двухэтажки, построенные в середине прошлого века, в лучшем случае хрущевки-пятиэтажки, но даже их не густо. Дома ветшали, горели, черные остовы не украшали пейзаж. Седьмой дом, похоже, давно был покинут жильцами. Не знаю, когда это случилось: до пожара или после. Горел дом, судя по всему, дважды, или один раз, но сразу в двух местах, что менее вероятно. Следы двойного пожара легко обнаружить на фасаде. Крыша провалилась, окна забили фанерой, как и калитку, которая вела во двор. В таком виде дом мог простоять и пять лет, и десять, а может, и того больше. Однако на его выгодное расположение обратили внимание, к тому же на соседней улице началось строительство многоэтажек, так что судьба отнюдь не живописных развалин была решена. Я прикидывала, что б еще такого сказать Тамаре, тем самым поддерживая разговор, но тут она посмотрела в окно и вдруг нахмурилась, а потом пробормотала:

– Чего это они носятся как ошпаренные?

Я тоже в окно посмотрела, ожидая увидеть мальчишек. Они действительно бежали во все лопатки, и явно не просто так. За ними трусили две тетечки весьма почтенного возрас-

та, обе жили по соседству, и обеим бегать уж точно не стоило. Тетя Маша жаловалась на давление и сердце, а тетя Люба еще и едва ходила, по ее собственным словам, и без палки уже никуда... Палка была при ней, зажата под мышкой, чтоб не мешала при беге, и ребятню тетя Люба уже не только догоняла, но могла перегнать, я была в этом уверена. Бегуны скрылись за углом здания, и победа в забеге так и осталась под сомнением.

– Не иначе пожар, – сказала Тамара и на меня посмотрела, точно мне предстояло решить, так это или нет. Потом открыла окно и высунулась по пояс на улицу, поводила головой и с сомнением констатировала: – Дыма не видно.

Молодые люди продолжали с интересом наблюдать за ее перемещениями, точнее, за перемещением ее бюста.

– Сходи посмотри, чего там, – сказала мне Тамара.

И я поспешила на улицу. Хотя какое-то развлечение. Улица к этому моменту точно вымерла, и задавать вопросы было некому. Я направилась в ту сторону, где недавно скрылись ребята и соседки, свернула за угол и вскоре смогла наблюдать настоящее столпотворение. Возле седьмого дома, которого уже не было, а образовался пустырь с кучами битого кирпича и прочего мусора, толпились человек сорок местных жителей. Со всех сторон к ним подтягивались граждане, места на тротуаре уже не хватало, и народ переместился на проезжую часть. Водители машин нетерпеливо сигналили, но на это внимания мало кто обращал. Тут я услышала звук

полицейской сирены, и пока сокращала расстояние между собой и толпой, показалась машина полиции и затормозила возле тротуара. Навстречу ей чуть ли не под колеса бросился дядя лет шестидесяти, вытирая вспотевший лоб носовым платком, руки его заметно дрожали, он принялся что-то объяснять полицейским и вместе с ними скрылся за временным забором, возведенным вокруг седьмого дома. Я пробилась в первые ряды и, оказавшись рядом с тетей Любой, спросила:

– Что случилось?

Бабка повернулась на мгновение и сказала:

– А, это ты, Полинка, – и напряженно вытянула шею, то ли подслушивая, то ли подглядывая.

Поблизости паслась ее подруга, и я повторила вопрос, адресуясь к ней.

– Труп нашли, – охотно ответила тетя Маша.

– Какой труп? – бестолково спросила я.

– Кто ж знает? Рабочие наткнулись. Жуть. Ну и район у нас, скажу я тебе. Шпана на шпане шпаной погоняет... Теперь еще и труп. Видать, кто-то не из здешних, из наших-то никто не пропадал, по крайней мере, не слышно ничего такого. А где Владан? – без перехода задала она вопрос.

– Отдыхает, – буркнула я.

– С зазнобой своей? А тебя, значит, на хозяйстве оставили? – Глазки бабки хитро посверкивали, а я растянула рот в широчайшей улыбке.

– Кто-то должен за порядком следить.

– Ага, ага, – закивала старушенция, ехидства во взгляде прибавилось.

И без того нерадостное состояние духа резко ухудшилось (далась мне эта бабка!), и к новостям я охладела. Спешно покинув толпу, вернулась в кафе.

– Ну? – спросила Тамара, продолжая маячить в окне.

– Труп нашли, – сообщила я, устраиваясь возле стойки и придвигая чашку с недопитым кофе.

– Убили кого? – нахмурилась Тамара. – Или сам помер?

– Не знаю, полиция приехала, народ толпится.

– Нет чтобы все разузнать... – посетовала она.

– Зачем? – съязвила я. – Для общего развития?

– Ну... интересно, кого бог прибрал. Вряд ли наших...

Вроде тихо в последнее время.

Как видно, любопытство продолжало ее мучить, заметив на улице мальчишку, она крикнула:

– Эй... как там тебя... Алик... иди сюда.

Мальчишка с большой неохотой подошел к окну.

– Кого в седьмом доме нашли?

– Откуда мне знать?

– А ты узнай. Я тебе мороженое дам. Какое захочешь. Самой, что ли, сходить? – в задумчивости произнесла Тамара, когда мальчишка скрылся, торопясь заполучить обещанное мороженое. – Присмотри здесь...

– Уж очень ты любопытна, – хмыкнула я, впрочем, побыть за хозяйку я совсем не против, к тому же недавние посети-

тели успели кафе покинуть, а других пока не наблюдалось.

– Пойду... – прикидывая так и эдак, заявила Тамара и направилась к двери.

Она ушла, а мне ничего не осталось, как занять ее место возле окна. Теперь даже машины мимо не проезжали, две бродячие собаки вертелись возле мусорных баков, вот и все. Прошло с полчаса, наконец появилась Тамара, вывернула из-за угла, обмахиваясь импровизированным веером из газеты. Рядом шагал Алик. Мороженое он получил и тут же удалил-ся. Тамара заняла место за стойкой, спросив ворчливо:

– Никто не заходил?

– Нет. Что удалось узнать?

– Чего только не болтают, – махнула она рукой. – Вроде труп был в стену замурован. И вроде вовсе не труп, то есть живым беднягу замуровали.

– Это почему так решили?

– На стене полосы от ногтей. Поди, врут.

– Надеюсь. И давно там страдалец обретался?

– Похоже, давно. Мальчишки видели, как труп выносили.

Говорят, высох весь, одни кости.

– Что видели мальчишки, еще вопрос...

– Кто спорит... Ладно, разберутся, что к чему, тогда и узнаем.

Ждать пришлось недолго. Я собралась уходить, когда в кафе появился Егор Михайлович Кругликов, наш участковый. Я свела с ним знакомство на прошлой неделе. Грузчики за-

носили новую мебель в офис, должно быть вызвав у обитателей улицы массу домыслов (посудачить народ здесь любил), вот участковый и возник на пороге. Представился и вежливо попросил предъявить документы. Изучил мое водительское удостоверение и задал несколько вопросов, на которые я охотно ответила. Мы выпили чаю и практически подружись, чему способствовал покладистый характер Егора Михайловича и его возраст: было ему лет двадцать шесть, не больше, то есть он немногим старше меня. К Тамаре и к ее бюсту он испытывал почтение, а она, уважая власть, угощала его кофе за счет заведения (хозяин, кстати, не возражал, да и трудно было возражать такой женщине, как Тамара). В общем, его появлению мы порадовались, решив, что Егору о происшествии известно куда больше, а значит, наше любопытство будет удовлетворено.

– Кофе будешь? – спросила его Тамара.

– Мне бы лучше водички холодненькой. Ну и жара стоит. Привет, Полина, – кивнул он мне и улыбнулся.

Тамара поставила перед ним стакан и бутылку минералки, которую достала из холодильника.

– Ну, чего там? Не томи.

– Труп забрали, народ расходится. Следственная бригада еще там.

– Неужто правда мужика живым замуровали? – ахнула Тамара.

– Брехня, застрелили его. Выстрел в голову, без эксперти-

зы все ясно. Судя по состоянию трупа, убили его несколько лет назад. Десять, может, даже больше. Останки мумифицированы, – не без труда выговорил он.

– Это что же, он там десять лет лежал и никто не хватился?

– Выходит, так. Труп в подвале был, дверь туда заколочена. Считали, это коммунальщики инициативу проявили, чтоб ребятня где попало не лазила. Жильцы давно выселены... одна бабка сказала, лет двенадцать точно после пожара прошло. Пожар был не то чтобы очень... Жилец по пьяному делу с сигаретой уснул, ну и спалил квартиру, сам угорел и соседям большие хлопоты, на втором этаже жил. Было это ночью, очухались, когда в квартире вовсю полыхало, а накануне еще трубу прорвало, асфальт в том месте обрушился, яма метра два. Короче, пожарники проехать не могли, и когда до дома все ж таки добрались, огонь уже был на крыше. Они до самого подвала все и пролили. Ремонтировать дом сочли нецелесообразным, он и так на ладан дышал. Расселили. Потом бомжи его еще раз подпалили, но это года три назад, тогда все входы-выходы заколотили. А дверь в подвал еще раньше. Когда, точно никто не знает.

– Очень может быть, что дверь вовсе не коммунальщики заколотили, – встряла я в разговор, уж очень хотелось поделиться своими соображениями.

– Думаешь, это убийца? – оживился участковый.

Я пожала плечами:

– Могли и позднее... при условии, что в подвал не загля-

дывали. На запах тоже внимание не обратили.

– Запах... – хмыкнула Тамара. – Да тут везде одни помойки... так воняет, мама не горюй...

Не согласиться с этим было трудно, и я кивнула, а потом поинтересовалась:

– Надо полагать, убитый – мужчина?

– Мальчишка совсем, шестнадцать лет.

– А это как определили? – нахмурилась я.

– При нем документы были. Рядом с трупом – рюкзак, в нем вещи, в основном одежда. Подзарядник для мобильного, книжка... библиотечная, кстати. А в кармане куртки паспорт.

– Ничего себе... – пробормотала Тамара. – И как пацана зовут, может, я его знаю?

– Олег Кириллов. Бабки сказали, жил в двадцать первом доме. Потом исчез куда-то, болтали, что из дома сбежал. Родители у него алкаши. Оба уже умерли. Кстати, в кармане у парня деньги были, пять тысяч рублей, по тем временам сумма приличная.

– Но деньги не взяли, – кивнула я.

– Чудеса, – на два голоса произнесли участковый и Тамара. – Выходит, не из-за денег его? А за что тогда? – развила тему барменша. – С местной шпаной что-то не поделили?

– Откуда у шпаны оружие? – хмыкнула я.

– Да уж... обрезком трубы по башке – это по-нашему, а застрелить...

– И что он делал в доме, если уже тогда дом был заброшенным? Да еще с вещами...

– Ну, разберутся... – кашлянув, оптимистично заверил Егор. – Выяснят, когда совершено преступление, а там и все остальное.

– Через столько лет убийцу найдут? – вовсе не разделяя его оптимизма, хмыкнула Тамара. – Не смейся... Да, жизнь... пацан пропал, мать, поди, ночей не спала, а он рядом был...

– Насчет «не спала» сомнительно, я же сказал: пила она... то есть не я сказал, а бабки... они этого Олега хорошо помнят.

– Я о нем никогда не слышала, – вздохнула Тамара. – Должно быть, он пропал раньше, чем я сюда перебралась... но все равно жалко...

Мы дружно кивнули и ненадолго замолчали. Я выпила водички за компанию с участковым, после чего мы вместе покинули кафе.

Возвращаться в офис не было никакой необходимости, и я решила трудовой день закончить. Направилась к машине, припаркованной в трех шагах от входа в нашу контору, Егор бодро шагал рядом, поглядывая на меня с таким видом, точно хотел о чем-то спросить, но не решался.

– Владан когда возвращается? – торопливо произнес он, когда я уже достала ключи.

– На следующей неделе.

– Значит, время у тебя есть?

– В общем, да... сколько угодно, – ответила я, пытаюсь отгадать, куда он клонит, и спросила: – Хочешь заняться исследованием?

– Каким? – растерялся он.

Выходит, я ткнула пальцем в небо, а ведь была уверена: найденный труп очень его заинтересовал, и участковый рвется в бой, с намерением утереть нос коллегам.

– Ну... я убитого парня имею в виду.

– Вообще-то я хотел тебя в кино пригласить, – выпалил он.

– А-а-а-а. Неожиданно. Даже не знаю, что ответить.

– Согласиться. – Он пунцово покраснел и теперь выглядел глубоко несчастным.

– Я подумаю, – пробормотала я и поспешила сесть в машину.

Сворачивая на соседнюю улицу, посмотрела в зеркало, Егор так и стоял, глядя мне вслед. А я улыбнулась, вовсе не потому, что Егор показался мне смешным, хотя выглядел действительно забавно, просто жизнь в последнее время, несмотря на все проблемы, радовала. А ведь еще два месяца назад я была законченным пессимистом. Правду говорят: любовь творит чудеса. Даже если эта самая любовь отдыхает где-то на островах в компании красотки.

– Переживем, – заявила я вслух. – Проявим терпение, и Владан поймет, что я его судьба. Надеюсь, его сообразитель-

ности на это хватит. А если нет? Никаких «если»... Кстати, в кино с Егором сходить можно. Это ведь даже свиданием не назовешь. Поболтаем о том о сем... Возможно, эксперты уже определятся с временем, когда было совершено убийство...

Тут стало ясно: это преступление меня заинтересовало. Вполне логично, между прочим. Я ведь с недавних пор сыщик, помощник сыщика... или секретарь... не важно. Одним словом, теперь это моя работа. Правда, Владан бесплатно не работает (хотя с меня денег не взял, но это уже другая история). Родителей погибшего Олега Кириллова нет в живых, так что клиента мы вряд ли заполучим. Владан отдыхает, значит, я могу работать на общественных началах, то есть даром. Расследовать убийство многолетней давности в одиночку? Завербовав в помощники участкового? Владан обхохочется... Дело не в том, что он будет смеяться, а в том, что я вряд ли справлюсь. То есть почти уверена – не справлюсь. Тогда зачем лезу? Затем, что человек – существо любопытное и самонадеянное. Это точно про меня.

В новостях сообщили о страшной находке. Домой я вернулась как раз к вечернему выпуску. По дороге заехала к отцу, но дома его не застала. Мобильный отключен. Значит, у папы важная встреча. Прогулявшись по дому, я оставила записку на столе в гостиной: «Я тебя люблю. Целую». И нарисовала огромное сердце. Заглянула в холодильник. Папа предпочитал питаться вне дома. В этом мы с ним схожи. Ужинать в одиночестве не самая приятная вещь в мире...

Ладно, в жизни бывает кое-что и похуже. В общем, я поехала домой и успела к вечерним новостям. Включила телевизор, достала замороженные еще три дня назад котлеты, разогрела в микроволновке и устроилась в кресле с тарелкой и вилкой в руке. Тут и подоспела новость.

«... – Сегодня на улице Красина в доме номер семь обнаружен труп мужчины, предположительно Кириллова Олега Николаевича, проживавшего неподалеку... Он исчез одиннадцать лет назад и до сегодняшнего дня считался пропавшим без вести. Все, кому что-либо известно...»

На экране появился номер телефона, вряд ли по нему многие кинутся звонить. Одиннадцать лет – это срок. Выходит, со временем эксперты уже определились... Номер телефона сменился фотографией молодого человека. Светлые волосы, мальчишеская улыбка... Про таких говорят «красавчик». В юности кажется, что впереди у тебя долгая-долгая жизнь. Его оборвалась слишком быстро...

В этот момент зазвонил домашний телефон, я поспешно сняла трубку, уверенная, что звонит папа. Так и оказалось.

– Ты заезжала? Почему меня не дождалась?

– Извини, не знала, когда ты вернешься. У тебя мобильный был отключен.

– Был на переговорах... Полина, я лечу в Англию на несколько дней. Давай со мной. Виза у тебя есть, с билетами быстро решим...

– Спасибо, папа, – перебила я. – Ты забыл, у меня работа.

– Но... твой Марич, насколько я знаю, уехал...

– Тем более. Кто-то должен находиться в офисе, вдруг клиент появится.

– Да? – с сомнением произнес папа, трудно сказать, в чем он сомневался: в появлении клиента или в необходимости моего присутствия в офисе.

Папа у меня человек богатый и, конечно, не мечтал, что его дочь станет сыщиком-любителем. Он предпочел бы видеть меня сотрудником своей фирмы или запросто мог купить для меня готовый бизнес, что-нибудь приятное и не очень обременительное, салон красоты к примеру. Даже если бы он не приносил дохода, папа закрыл бы на это глаза, по принципу: чем бы дитя ни тешилось... Собственно, по этому принципу он и вел себя сейчас. Не считал частный сыск подходящим для меня делом, а Владана – подходящей компанией, но молчал. Чему было много причин: и мой недавний развод, и длительная депрессия, и гибель подруги. Короче, Владан и наше агентство представлялись ему меньшим из зол.

– Что ж... – вздохнул он. – Тогда давай завтра пообедаем вместе. Вечером мне надо быть в Москве. Решу кое-какие вопросы, и в Лондон. Если все-таки надумаешь...

– Встретимся завтра, – заверила я. – Я позвоню.

Мы простились, я вернулась к остывшим котлетам и новостям, которые вскоре закончились. Я было начала смотреть какой-то фильм, но чужая неустроенная судьба интереса не

вызвала, со своей не знаешь, что делать. Я достала мобильный и принялась вертеть его в руках, пытаюсь сообразить, который час на Мальдивах. Заглянула в Интернет, а потом, наплевав на возможный, точнее более чем вероятный, недружественный прием, набрала номер Владана. Сообщу ему о трупe. Он должен знать, что в родном районе происходит...

Мобильный Владан отключил. И я заревела от досады. Когда он со своей красоткой укатил, не ревела, а сейчас нате вам... Ничего, ничего, справимся. Займемся расследованием, это лучше, чем слезы лить. Он вернется, и я ему доложу о своих успехах... если они будут. Может, мне в самом деле в Лондон податься?

В девять утра я была в офисе. Жаль, моих стараний никто не оценит. Села за стол и попыталась набросать что-то вроде плана. Первым делом надо взглянуть на место преступления, потом поговорить с бабками. Зайти к Егору... или наоборот, сначала к нему зайти, и уже с ним к бабкам. В этом случае они будут куда сговорчивее... Вопрос, согласится ли Егор идти со мной. Должен согласиться, если я ему нравлюсь. Пользоваться чужим расположением не очень-то достойно... Ладно, начнем с места преступления. И я отправилась к седьмому дому по улице Красина.

Заградительные ленты так и остались, калитка была опечатана, рабочих не наблюдалось, впрочем, какие рабочие, если проход закрыт. Правда, одна живая душа вскоре обнару-

жилась. Мужчина в комбинезоне, видимо сторож, сидел возле строительного вагончика и курил, поглядывая по сторонам. Вагончик находился метрах в десяти от калитки, дальше по улице, занимая часть тротуара. Вряд ли сторожу что-то известно об убитом. Выходит, явилась я сюда совершенно напрасно. Да, сыщик из меня что надо...

Я немного потопталась на углу, отметив, что расположение дома заслуживало внимания. Два переулочка сходились в этом месте, плавно переходя в улицу Красина, которая делала здесь замысловатый изгиб. Справа три дома по одной стороне, на противоположной – пустырь, успевший давно превратиться в свалку. Слева улица выглядела вполне прилично, дома старые, но еще крепкие. Ландшафт тут холмистый, и седьмой дом, от которого теперь остались лишь воспоминания и свеженькое уголовное дело, находился как раз на вершине одного из холмов. Из окон второго этажа, должно быть, открывался неплохой вид, в том смысле, что прилегающее пространство хорошо просматривалось. Может, поэтому Олег Кириллов здесь и оказался? За кем-то следил? Скоропалительное заключение. Отправляясь следить за кем-то, не берут с собой рюкзак с одеждой, паспорт и всю свою наличность. Я ничего не знаю об убитом, а уже всю фантазирую.

Я продолжала оглядываться, и вскоре стало ясно, что место давней трагедии интересует не только меня. На проезжей части появился серебристый «Мерседес». Я бы не обра-

тила на него внимания и уж точно не придавала бы значения его появлению, но он остановился в нескольких метрах от строительного вагончика. Из машины вышла женщина, молодая, высокая и очень эффектная. На ней было белое платье в крупный красный горох, на ногах босоножки на высоком каблуке. Светлые, до середины спины, волосы очень хороши, они блестели на солнце, точно золото, завиваясь кольцами. Природа женщину не обидела, а парикмахер у нее был отличный. Ярко-красная помада на пухлых губах, глаза скрывали солнцезащитные очки, усыпанные стразами. На мой взгляд, их было многовато, да и платье я не сочла бы для себя подходящим, но на ней оно смотрелось роскошно. В общем, при некоторой вульгарности (назовите это завистью, если угодно), блондинка впечатление производила, мужчины, должно быть, подолгу смотрели ей вслед. Однако сейчас улица была пуста, не считая меня и сторожа, который сидел на ступеньке вагончика со скучающим видом, но вдруг встрепенулся, сообразив, что красotka направляется к нему. Я тоже к нему направилась, теперь мы с женщиной шли навстречу друг другу. Вагончика она достигла раньше.

– Вы здесь работаете? – спросила довольно громко, обращаясь к мужчине. Тот кивнул и, видимо, не зная, как себя вести, поднялся и теперь стоял, переминаясь с ноги на ногу. – Где его нашли? – понизив голос, задала женщина вопрос.

– Кого? – переспросил сторож и тут же ответил, сообразив, о ком она: – Говорят, в подвале.

– В подвале... – повторила блондинка. – И документы при нем были?

– Говорят...

– Но они ведь не знают точно...

– Чего не знают? – спросил сторож.

– Тот ли это человек. Ведь опознать его невозможно.

Я как раз поравнялась с женщиной и решила, что могу поучаствовать в разговоре.

– После экспертизы все выяснится.

Женщина взглянула на меня и нахмурилась, а потом, не говоря ни слова, вернулась к своей машине. Минута, и «Мерседес» уже скрылся в переулке. Само собой, на номер я внимание обратила, а теперь еще и записала, чтоб не забыть.

– Странная дамочка, – проворчал сторож.

– Любопытная, – пожалала я плечами. – К вам, наверное, многие с расспросами пристают?

– А чего ко мне приставать, я знать ничего не знаю. Прихожу к восьми, когда работа закончена, а вчера и вовсе не моя смена была. Утром позвонили, сказали – заступай, теперь неизвестно когда стройка начнется, ну и про труп рассказали. А вы из газеты, что ли? – спросил он с подозрением.

– Нет. Я тут по соседству работаю, вот и решила взглянуть.

Дядька крикнул и опустил на ступеньку, а я пошла себе дальше. Блондинку могло привести сюда любопытство. Услышала в новостях о находке и приехала сюда? Тоже

где-то неподалеку работает? Очень сомнительно. Во-первых, раньше я ее тут не встречала, а район тем и отличался, что здесь все на виду, а во-вторых, вряд ли она вообще где-то работает. В любом случае в таком платье в офис не ходят, если это не модный дом или не редакция глянцевого журнала, но их здесь точно сроду не водилось. Значит, пожаловала она сюда специально, а для этого праздного любопытства все-таки недостаточно. Возьмем блондинку на заметку и для начала выясним, кто она такая. Номер машины есть, а значит, задача вполне осуществимая.

К бабкам я отправилась одна, в последний момент решив, что обойдусь без участкового. Начать собиралась с тети Маши, то есть Марии Семеновны, с ней я познакомилась за несколько дней до отъезда Владана. Бабка пришла жаловаться на пацанов, которые терроризировали ее кота. Стоило коту появиться на улице, как кто-то из шалопаев принимался улюлюкать и даже швырять в него камнями. Кот был очень толстым и оттого неповоротливым. Дома ему, по словам бабки, тоже покоя нет, он любил подремать на подоконнике, а мальчишки, проходя мимо, дубасили по стеклу кулаком (жила тетя Маша на первом этаже), кот вздрагивал и старушка, само собой, тоже. Человек несведущий мог бы удивиться наивности бабки, явившейся к Владану с подобной просьбой. Но я-то уже кое-что понимала в здешней жизни и оттого удивляться не спешила. Владан бабку выслушал, после чего отправился в соседний двор, где в полуразвалившейся

беседке обреталась местная шпана. Я взялась его сопровождать, в основном, конечно, от безделья. Опять же, с педагогическими приемами Владана я была не всегда согласна и лелеяла в душе надежду, что при мне он проявит сдержанность. При нашем приближении заводила в компании поднялся, степенно протянул Владану руку, которую тот со всей серьезностью пожал. После чего отрок спросил:

– Бабка Маша жаловаться приходила?

Сарафанное радио работало здесь отменно. Владан молча кивнул, а отрок поморщился:

– Да не трогали мы ее кота... Руслан в шутку сказал, что в шашлычную его отнесет... Слышал прикол: «Купи пять беляшей и собери кошку»? Ну вот... а бабка взаправду подумала и теперь со своим котом носится. Веришь?

– Верю, – кивнул Владан. – К бабке сходи и извинись, чтоб не нервничала. А еще лучше, сделай что-нибудь полезное. Возле ее подъезда скамейка сломана, надо бы починить. Я сказал, починить, а не свистнуть у соседей и поменять на сломанную... Короче, сам подумай, чем бабку задобрить.

Парень скривился еще больше, но возражать не посмел, моему работодателю здесь никто не возражал, хотя и по очень разным причинам. Мы вернулись в офис, а на следующий день бабка вновь пришла, но уже с яблочным пирогом и благодарностью. Владан от пирога отказался и смылся под благовидным предлогом, а мы часа два провели с тетей Машей за приятной беседой. Вскоре я познакомилась и

с ее подругой, Любовью Васильевной, и теперь очень надеялась, что старушек память не подведет и кое-что о пропавшем некогда Олеге я узнаю. По дороге я заглянула к Ашоту, у него был небольшой магазин и рядом кондитерская. Если вы не пробовали его пирожных, значит, в жизни вам не повезло, а если попробовали, будете возвращаться сюда снова и снова. По определению Тамары, они такие вкусные, что можно ум отъесть. Должно быть, понимать это надо так: наплюешь на все диеты и вообще на здравый смысл и станешь питаться одними пирожными. Бабки с Ашотом не дружили, обзывали нехристом, кондитерскую и магазин принципиально обходили стороной. Но та же Тамара сообщила, что Любовь Васильевна не раз засылала кого-нибудь из мальчишек за сладостями, а сдачу предлагала оставить себе в обмен на молчание. Но, как я уже сказала, здесь ничего не утаишь. Жизнь в этих местах сложна для понимания, хотя Владан утверждал, что она, напротив, простая и ясная, оттого он здесь и чувствует себя распрекрасно. Наверное, у нас разные представления о простоте. Район давно облюбовали приезжие из бывших союзных республик, нелегалов тоже хватало. Немногочисленные аборигены их не жаловали, кто мог, давно сбежал отсюда. На законы тут поплевывали, но никакой анархии и в помине не было. Здешний мир строился на идее справедливости, однако понималась она весьма своеобразно. Свистнули у тебя кошелек – сам виноват, рот не разевай, но если вора схватили за руку и как следует отдубасили – виноват уже

он, нечего попадаться. Даже если украл сто рублей, а здоровье подорвал на тысячу. Твои риски. Поначалу я пробовала тут кое-кого вразумить, Владана или ту же Тамару, но быстро поняла, что это бесполезно. В чужой монастырь, как известно, со своим уставом не ходят.

Заглянув в кондитерскую, я громко поздоровалась и у окна возле стойки, заменявшей стол, обнаружила участкового. «Судьба», – тут же решила я. Егор, полуприкрыв глаза от удовольствия, уминал пирожное, на блюде с восточным рисунком лежали еще два. Рядом стояла большая чашка с чаем и пузатый чайник. Запах в кондитерской стоял ни с чем не сравнимый. Карамель, корица, ваниль... Егор Михайлович торопливо ответил на приветствие, а я, сглотнув слюну, подошла к прилавку. Из подсобки появился парнишка лет семнадцати. Он обратился ко мне по имени, хотя я его видела впервые, но подобное давно перестало удивлять. Я решила, это кто-то из многочисленных родственников Ашота. Они то появлялись, то исчезали, а бабки злорадно шептались: «Террористы».

Пока я выбирала пирожные, парень успел рассказать о погоде, о том, что в соседнем дворе мальчишки разбили окно, когда в футбол играли, а сын Хромого Али угодил в аварию на машине, которую взял у друга прокатиться, забыв ему сказать об этом. Теперь лежит в больнице, а дружок велел передать: лучше ему там и остаться, потому что в тот день,

когда он оттуда выйдет, обязательно назад вернется, и пере-
ломы покажутся ему сущей ерундой.

– Хромой Али не бедный, – вмешался участковый. – Ма-
шину отремонтирует. Помирятся, они же соседи, в конце
концов... В полицию об угоне никто не заявлял...

Мы с парнем переглянулись и с некоторым сочувствием
взглянули на Егора. «Заявлять в полицию» то самое слово-
сочетание, которое здесь упорно не приживалось. Хотя к са-
мому Егору местные относились очень хорошо, однако это
не мешало им существовать как бы в параллельных мирах:
участковый сам по себе, а соплеменники Ашота сами по се-
бе.

Я взяла поднос со своим заказом и перебралась за стойку
к участковому.

– Новости есть? – спросила я.

– Так вроде все рассказал, – пожал он плечами, кивнув в
сторону прилавка.

– Я вчерашнюю находку имею в виду. Сейчас возле седь-
мого дома встретила женщину. На машине подъехала, явно
не из местных, и у сторожа про труп спрашивала.

– Любопытная, – вновь пожал плечами Егор. – Вчера там
столпотворение было. Народ хлебом не корми, дай поглазеть
на что-нибудь...

– Мне показалось, она сомневается, что погибший – Олег
Кириллов... В любом случае женщина наверняка его знала.

– Разберутся...

– А сам не хочешь? – вздохнула я.

– В каком смысле?

– Ну... – На этот раз плечами пожала я. – Разузнаем об этом парне... он ведь жил здесь. Хочу бабок навестить.

– Марью Семеновну с подругой? Они вчера так ораторствовали, что следак устал их слушать...

– Думаешь, никто этим убийством заниматься не будет? – спросила я, решив не церемониться.

Егор нахмурился:

– Я этого не говорил... но сама посуди, одиннадцать лет прошло... у него и родных-то нет. Отец умер в местах лишения свободы, мать тоже...

– Но преступление осталось, и убийца, возможно, до сих пор разгуливает на свободе.

– Оно конечно... я все понимаю, но... Ладно, пойдем к бабкам, – неожиданно закончил он, скорее всего, просто не желая спорить.

Я попросила еще пирожных, мне упаковали их в красивую коробку, и, допив чай, мы с участковым вышли на улицу.

– Установить владельца машины по номеру будет не трудно, – сказала я.

Егор выразительно взглянул на меня, хмыкнул с легким намеком на возмущение, но тут же кивнул, соглашаясь и с тем, что не трудно, и с тем, что узнавать это предстоит ему.

Подруг мы застали во дворе дома, где жила Мария Семеновна. Двор небольшой, но стараниями жильцов очень

уютный. Под окнами клумба, где вовсю цвели лилии: белые, красные и даже совсем экзотических фиолетовых тонов. Здесь же стояла скамейка, на которой бабули и пристроились. Одна вязала крючком салфетку, кстати, неплохая прибавка к пенсии. Со своими салфетками тетя Маша каждую субботу отправлялась к знаменитому Покровскому храму, там туристы их охотно покупали. Вторая бабка, опершись рукой на клюшку, что-то рассказывала. Тут же сидел свекор Любови Васильевны, переживший своего сына лет на двадцать. По ее словам, старичку давно перевалило за сотню. Может, и так, но выглядел он бодрячком, правда, в событиях часто путался.

– Это которая Пелагея? Та, что в столовке работала? – с интересом спросил он, перебивая рассказ снохи.

– Да помолчи ты, Иван Пантелеевич, ради Христа. В столовке Шура Громова работала, померла семь лет назад.

– Что ты говоришь? Шура померла? Как жалко-то, ведь молодая совсем.

– Восемьдесят два годочка ей было, – заметила тетя Маша. Старичок дважды кивнул:

– Я и говорю, совсем молодая ...

Тут на нас обратили внимание, и все трое замолчали.

– Здравствуйте, – произнес Егор. – А мы, Мария Семеновна, к вам...

– Что случилось? – забеспокоилась она.

– Ничего не случилось. Просто так зашли... узнать, как

вы тут поживаете...

– Это вам, – сунулась я с пирожными.

– У Ашота брала? – нахмурилась бабка. – Я у него ничего не покупаю. Нехристь, еще отравит, с него станется.

– Жаль. – Я пристроилась на скамейке, держа коробку с пирожными на коленях. Егору места не досталось, пришлось стоять. – Вчерашняя находка нам покоя не дает, – начала я. – Олег Кириллов здесь жил...

– В двадцать первом доме по улице Красина, – тут же ответила Любовь Васильевна, опережая подругу. – Я его хорошо помню. Такая шпана, прости господи...

– Да ладно тебе, Люба, – нахмурилась тетя Маша. – Нормальный он был парнишка, не хуже других. Я бы даже сказала – лучше. Всегда здоровался, вежливый и озорничал в меру, как все подростки. С его-то родителями немудрено было скатиться на самое дно, а он всегда одет чисто, сам себе и стирал, и готовил. Отцу руки не давал распускать... Нет, я про него ничего плохого не скажу.

– Как же, а кто магазин ограбил?

– Так ведь не доказали...

– Не доказали, а знали все... Кириллов с дружками. Было кое-что и похуже. Или не помнишь? – с хитрым прищуром спросила Любовь Васильевна.

– Не помню, – в недоумении ответила тетя Маша.

– То-то... а надо бы... всю семью порешили, как же их фамилия... Гавриловы. Точно, Таисия и Петр. Переселенцы

из Казахстана. Лет пять они тут жили, дочку замуж выдали. А зять у них был из этих... бизнесменов. Вот всех четверых и убили. В доме деньги искали, Таисию пытали. Жуть. Теперь вспомнила?

– Еще бы, – нахмурилась Мария Семеновна.

– А поподробнее об этом нельзя? – вмешалась я, участковый о чем-то размышлял, и пользы от него я пока не видела.

– Так я толком-то ничего не знаю... да и давно это было, – развела руками старушка.

– А почему решили, что к убийству Кириллов причастен?

– Не знаю... – Тетя Маша выразительно взглянула на подругу. – Нам что, докладывают? Но милиция его точно искала... И разговоры были, что это Кириллов с друзьями. Думали, у Гавриловых золото-бриллианты попрятаны. Деньги-то были у зятя, а у них вряд ли чем разжились.

– Но хозяйку пытали?

– Вот именно. У нас тогда с полгода, наверное, спать по ночам никто не мог. От каждого шороха вздрагиваешь, а ну как и к тебе придут? Из-за пенсии твоей несчастной или похоронных жизни лишат.

– Деньги надо хранить в сберегательной кассе, – изрек дед.

Бабки взглянули на него так, точно намеревались испепелить, но дед был подслеповат и к взглядам не чувствителен, широко улыбнулся зубными протезами и затих.

– А Кириллов сбежал, – заявила Любовь Васильевна, по-

ворачиваясь ко мне. — Так что никто не сомневался, чьих рук дело.

— Сбежал? — переспросила я.

— Ну да. Дружка его, Кольку Шмыгина, забрали, а Олег сбежал... Хотя теперь выходит, что нет, коли труп нашли.

Бабки переглянулись и задумались, зато ожил участковый:

— А в каком доме Гавриловы жили?

— Не помню точно. Второй или четвертый. Два дома стояли там, где сейчас пустырь. В доме на первом этаже была часовая мастерская. Гаврилов в ней как раз и работал, хороший мастер был, что хочешь починит... Я однажды...

— По делу давай, — перебила подругу тетя Маша.

Та вздохнула и продолжила:

— Значит, внизу мастерская, а на втором этаже квартира была, то есть две, но совсем крохотные. Домишко-то маленький. Гаврилов обе квартиры купил и сделал одну, большую. Вот и решили, что у него денег куры не клюют. А я точно знаю — купил за плевые деньги, дом-то ветхий совсем, одни щели. А у них в Алма-Ате была квартира большая, в самом центре. Все деньги от продажи ушли на переезд да на обустройство здесь. Гаврилов мне жаловался, что, мол, ничего получше не купишь, а наш район, сами знаете... зато дешево. О чем это я? — внезапно спросила Любовь Васильевна.

— О Гавриловых, — подсказала я.

— А что Гавриловы? Жили себе люди, дочку замуж выда-

ли. Все хорошо. Зять задумал дом строить, квартира у него была где-то в центре. Они когда засиживались, Таисия их не отпускала – боялась, район-то беспокойный. И в тот раз не отпустила, а душегубы, которые к ним в дом влезли, наверняка не ждали, что в квартире будут не двое, а четверо. И всех перестреляли. Таисию еще и пытали. Всю семью на кладбище снесли, квартиру покупать никто не хотел после такого-то... Хотя нашлись какие-то родственники и продать пытались. Но уехали ни с чем. Тут соседский дом загорелся, бомжи в нем жили, брошенный был, огонь на гавриловский дом перекинулся, ну и все... Мастерская переехала на Конногвардейскую, а вместо домов теперь пустырь. Говорят, там многоэтажку хотят строить? – Вопрос адресовался участковому.

Егор пожал плечами.

– Значит, в убийстве заподозрили Кириллова с дружкойми? – спросил он.

– Точно. Кольку арестовали, Олег и еще двое сбежали. Этих я по именам не помню. Шатались тут, шпана проклятая.

– А мог Кириллов прятаться в седьмом доме? – прикидывая и так, и эдак, спросила я. – Там в то время кто-нибудь жил?

– Нет, – покачала головой Мария Семеновна. – Дом первый раз горел пятнадцать лет назад. Это совершенно точно. Супруг мой помер в августе, а дом сгорел вскоре после это-

го. Мужик, что по пьяни дом спалил, Суслов его фамилия, на кладбище рядом с моим лежит. Уж точной даты не скажу, но если рядом, значит, не больше недели.

– То есть дом к моменту убийства был не жилой?

– Конечно. После того как второй раз пожар случился, все двери-окна заколотили. Но это уже позже было. Когда точно – не скажу.

– Сегодня я возле седьмого дома девушку встретила. Она сторожа расспрашивала... Красивая девушка...

Бабки переглянулись.

– Может, Юлька? – неуверенно предположила Мария Семеновна.

– Вряд ли... чего ей здесь делать?

– Кто такая Юлька? – насторожилась я.

– Девчонка на нашей улице жила. Олег как-то под ее окнами свечками слова выложил «я тебя люблю». Свечки маленькие такие. Дождался темноты, выложил и зажег. Весь двор любовался. Юльку отец потом месяц из дома не выпускал. Строгий был.

– Кириллов был влюблен в Юлю? Я правильно поняла?

– Про их любовь вся округа знала. Они с детского сада за ручку ходили. Юлька красавицей выросла, да и Олег парень хоть куда. Но ее отцу он, само собой, был как кость в горле.

– Почему?

– Потому что не о таком зяте мечтал. У Олега мать пьющая, отец из тюрьмы больше чем на полгода не появлялся.

Почто ему такая родня? Он тут богатеем считался. Дочка красавица, училась хорошо, знал, что она себе получше найдёт. А Олег мог ей жизнь испортить. Вот и запрещал им видаться. В другую школу ее перевел. Из дома не выпускал. Да все без толку. Разве молодых удержишь? Одно слово – любовь.

– И что было дальше? – поторопила я.

– Ничего, – дружно пожали старушки плечами. – Олег пропал, а Демидовы вскоре уехали. Квартиру купили в новом районе. Больше их здесь не видели.

– Ну, хватит разговоры разговаривать, – поднимаясь со скамьи, улыбнулась Мария Семеновна. – Идемте чай пить.

Участковый от чая отказался, а я решила беседу продолжить, напомнив Егору:

– Выясни, чья машина, – и вслед за бабками и воодушевленным дедом вошла в подъезд.

Чаепитие растянулось надолго, но ничего существенного узнать не удалось. Правда, Мария Семеновна нашла старую фотографию, на ней были она сама и ее семилетний внук, а за их спинами дом, в котором некогда жили Гавриловы. Номер дома был отчетливо виден, но вряд ли это особенно поможет в розыске убийцы. Бабули увлеклись и в исторические события углубились основательно. Любовь Васильевна поведала о встрече с покойным мужем, а Мария Семеновна о том, как приехала сюда пятьдесят пять лет назад совсем еще юной девушкой и устроилась на фабрику. Я поняла, что пора

смаываться, тут, весьма кстати, позвонил папа, напомнил об обеде и сообщил, что ждет меня в ресторане «Чайковский». Я простилась с бабками и поспешила к своей машине, оставленной возле офиса. Вообще-то народ здесь свою собственность старался без присмотра не оставлять. Запросто колеса свистнут. И это еще не самое худшее. Однако местная шпана моей машины сторонилась, в чем не было ни капли моей заслуги, а исключительно демонстрация большого уважения Владану. Я ведь уже говорила: он здесь герой. Впрочем, почему здесь? Просто герой.

Папа облачился в новый костюм, благоухал туалетной водой известной фирмы (мой подарок) и выглядел лет на десять моложе своего возраста. Женщины в ресторане поглядывали на него с интересом. Многих он знал: время ланча, а «Чайковский» давно облюбовали бизнесмены.

– Прекрасно выглядишь, – сказал папа, поднимаясь мне навстречу, и меня поцеловал.

По залу прошел шепоток, но быстро стих. Должно быть, решили, что у отца появилась любовница, однако сведущие люди быстро внесли поправку. Насчет личной жизни отца я ничегошеньки не знала. Догадывалась, что женщина у него есть, но он не считал, что нам следует познакомиться. А жаль. Я была бы рада, реши отец жениться. После смерти мамы прошло много лет, но он до сих пор один.

– Я заказал тебе утку по-пекински. Не возражаешь? –

спросил он.

А я вздохнула:

– Если честно, есть совсем не хочется. Я была в гостях у знакомой старушки и выпила три литра чая с пирожными.

– Пирожные – это не еда. А что за старушка?

– Живет неподалеку от нашего офиса. Слышал вчера в новостях? На месте предполагаемого строительства бизнес-центра нашли труп.

– Меня интересуют биржевые новости, а не трупы, – поморщился отец. – У вас что, появился клиент?

– Нет, к сожалению. Убитый оказался сиротой.

– Но ты все равно решила заняться расследованием? – Отец покачал головой в досаде, но тут же улыбнулся: – Поехали в Лондон. Вернется твой Владан, и будете искать преступников в свое удовольствие. Если честно, меня беспокоит, что ты одна и...

– Я не одна, я с участковым. А потом, убийство произошло много лет назад, вряд ли нам особо повезет.

– Слабое утешение... обещай, что будешь осторожна.

– Конечно, папа.

– А что за участковый?

Пришлось рассказать о Егоре. Папа слушал, чуть приподняв бровь. Наверное, решил, что теперь я буду влюбляться во всех своих напарников, и гадал, стоит ли считать большой удачей, что на смену Владану явился какой-то участковый. Владан, с его точки зрения, был для меня неподходящей

парой, но в этом смысле участковый вряд ли ему нравился больше. Мы довольно весело провели время, я нашла-таки место в желудке для пекинского деликатеса, от десерта категорически отказавшись. Потом мы немного прогулялись в соседнем парке. У папы еще было время, и расставаться не хотелось.

Ближе к четырем мы простились, и я отправилась на улицу Красина, где в полуподвале дома номер двадцать четыре находился кабинет участкового.

Егора Михайловича я застала на рабочем месте. Он сидел, уткнувшись взглядом в монитор старенького компьютера, и печатал что-то одним пальцем.

– Как успехи? – спросила я, садясь на свободный стул рядом.

– Отчет надо напечатать, – проворчал он.

– Вижу, что надо. Кто владелец машины, узнал?

– Угу, – буркнул он, – только мне сейчас не до этого. Не сдам отчет и...

– Так ты его до ночи печатать будешь. Хочешь, помогу?

Егор взглянул с сомнением, но тут же уступил место возле компьютера.

С отчетом справились быстро, и участковый, страшно довольный, тут же поведаль:

– Хозяйка – Демидова Юлия Андреевна. Кстати, у ее отца несколько автосервисов в области.

– Пошел в гору, – кивнула я. – Есть ее адрес?

– Есть. Но ты ведь...

– Почему бы не навестить девушку? – улыбнулась я, давая понять, что возможные возражения Егора вряд ли будут услышаны.

– Не обижайся, но я с тобой не пойду. В полиции не любят, когда кто-то в расследование вмешивается. Одно дело бабок поспрашивать, а другое...

– На Юлю они могут выйти не скоро. Но я, конечно, не в обиде. Неплохо бы покопаться в том деле об убийстве семьи...

– Можно попробовать, – подумав, пожал Егор плечами.

– Не знаешь, кто вел это дело?

– Смеешься? Я тогда еще в школе учился. Но узнать, конечно, могу. Наверняка многие уже на пенсии.

– Дружка Кириллова арестовали, а сам он, как считали, сбежал. Вот и объяснение, почему при нем был рюкзак с вещами и паспорт. На самом деле Олега убили. А судя по количеству денег, найденных у него, улов был невелик, если Гавриловых действительно они... зря грех на душу взял.

– Это точно. Еще и тетку эту мучили. Вот уроды. А кокнули Олега его же дружки. Ясно, как белый день.

– Откуда у дворовой шпаны пистолет?

– А то ты не знаешь, что здесь при желании черта лысого купишь, не только оружие, – съязвил Егор.

– Это сейчас, а одиннадцать лет назад?

– И тогда вряд ли было лучше.

– Допустим. Но пистолет тоже денег стоит. Откуда ж в банде первоначальный капитал?

– Ты же слышала, магазин ограбили... Я не понял, ты сомневаешься, что Кириллова дружки пристрелили? Тогда кто? И чего он делал в брошенном доме?

– Думаешь, прятался? На первый взгляд – логично, а на самом деле полная ерунда. Дом напротив пустыря, то есть всего в десятке метров от недавнего места преступления. И мы даже точно не знаем, причастен ли к нему Олег.

– Бабка сказала, его дружка арестовали...

– У бабки память, дай бог каждому, но ведь могла и напутать, – пожала я плечами.

– Вряд ли... Я, конечно, все проверю, но бабкам склонен верить.

– А где конкретно труп нашли? – спросила я.

– В подвале. За отопительными трубами. Его и так вряд ли бы скоро нашли, кому надо туда свой нос совать, если только авария... А какая авария, раз дом под снос и отопление отключено? Но дверь заколотили.

– Это чтобы случайно заглянувшего гражданина запах не смущал, – сказала я. – Жилыцы соседних домов думали, что дверь заколотили работники ЖЭКа, если их это вообще интересовало, а работники ЖЭКа... ничего не думали.

– Им на фиг не нужен этот подвал. Они и в те дома, где люди живут, стараются не заглядывать. А запах никого бы не удивил. Решили бы, что крыса сдохла. Или собака. В общем,

если бы не это строительство, парня еще бы сто лет не нашли.

– Странно, что убийца оставил при нем деньги и паспорт, – подумала я вслух.

– Почему странно? Был уверен, труп не найдут. Думаю, убийца дверь и заколотил. Хотя... все это теперь вряд ли установишь.

– Адрес девушки дашь? – с улыбкой спросила я.

– Дам, конечно. Но... будь поаккуратней. Ни к чему нам проблемы. Может, мне все-таки с тобой пойти? Только переоденусь.

– Лучше не надо, – ответила я. – Не хочу, чтобы у тебя были неприятности. Нам бы на дело об убийстве Гавриловых взглянуть...

– Ладно, иди, – вздохнул Егор. – А насчет дела... что-нибудь придумаю.

Он продиктовал мне адрес, и я решила отправиться к Юлии Демидовой прямо сейчас, не откладывая. Номер мобильного телефона, который прилагался к адресу, устарел. Приятный женский голос не без ехидства сообщил, что номер в сети не зарегистрирован.

Жила Демидова в малоквартирном доме на Покровской улице, считай, самый центр. Попасть в такой дом незваным гостем, как правило, не просто. Въезд во двор преграждали автоматические ворота, в подъезде с важным видом консьерж читал газету.

– Я к Демидовой, – сказала я с барственной интонацией,

надеясь, что на дядю пенсионера она произведет впечатление.

Дядя снял телефонную трубку и набрал номер, послушал гудки, вернул трубку на место и сказал:

– Никого нет.

Я кивнула и вышла на улицу, едва не прозевав появление Юли, ее машина как раз выезжала со двора. Я бросилась ей наперерез и завопила:

– Юля!

Машина резко затормозила, окно открылось, и девушка спросила сердито:

– Вы что, с ума сошли?

– Мне надо с вами поговорить.

Она окинула меня взглядом, точно прикидывая, чего можно ждать от такой, как я. В голосе появилась настороженность:

– О чем поговорить?

– О человеке, труп которого нашли вчера.

– Об Олеге? – нахмурилась она. – Но... вы-то к нему какое имеете отношение?

– Никакого, то есть... давайте где-нибудь выпьем кофе, и я вам все объясню.

Юля перевела взгляд на часы, задумалась на мгновение, а потом сказала:

– Садись.

Я устроилась рядом с ней на переднем сиденье, мы отъе-

хали метров на пятьсот, и она остановила машину, припарковавшись возле магазина игрушек.

– Обойдемся без кофе, – сказала ворчливо. – Валяй, рассказывай.

– Я вас видела сегодня, вы со сторожем разговаривали, – начала я.

– Не «выкай», не намного я старше... Я тоже тебя видела, и что?

– Дело в том, что я работаю у одного человека. Он занимается расследованиями, частный сыщик, понимаете?

– Вы хотите, чтобы я вам заплатила? – усмехнулась Юля. – А вы убийцу найдете? Через столько лет... Мне знакомый мент сказал, Олег там... его убили одиннадцать лет назад. А я-то думала, он без меня сбежал, – почти шепотом произнесла она, из глаз ее покатились слезы. Она вытерла их ладонью, но поток слез не иссякал, Юля достала из бардачка бумажные салфетки, уткнулась в них лицом и зарыдала, забыв и про меня, и про макияж, про все на свете.

Она плакала так отчаянно, что я не решалась слово сказать, дотронуться до ее плеча, как-то утешить. Понимала, сейчас самое лучшее – оставить ее в покое. Прошло минут двадцать, не меньше, прежде чем девушка успокоилась, взглянула на себя в зеркало, вытерла растекшуюся тушь, высморгалась и деловито спросила:

– Сколько вы берете?

– Сейчас мой шеф в отпуске, и, честно говоря, я не уве-

рена, что он возьмется за это дело. Оно меня заинтересовало, и я хотела попробовать сама... Разумеется, денег мне не нужно. Зато необходима информация.

– А кто твой шеф? – спросила Юля.

– Владан Марич. Может, вы слышали...

– Серб? – удивилась девушка. – Ну, ты даешь... кто ж о нем не слышал? Я, между прочим, восемнадцать лет в Яме прожила... Ты у него работаешь? – уточнила она с сомнением.

– Совсем недавно. Я вроде секретаря или помощника.

– А про меня от кого узнала?

– Мария Семеновна...

– Понятно. Две старые сплетницы, она да еще бабка Люба... Обеим уже лет по сто, а они все никак не угомонятся. Марья как раз и донесла моему отцу, что мы с Олегом встречаемся. Большое ей за это спасибо! – Юля зло фыркнула и стала смотреть в окно, отвернувшись от меня.

– Вы, кажется, дружили с раннего детства? – неуверенно задала я вопрос.

– В один детский сад ходили. И в школе сидели за одной партой. Отец думал, у нас дружба и особо не возражал, хотя ему Олег никогда не нравился. Не сам Олег, его семья. Мать пила, отец... Короче, семейка та еще, но к Олегу он вообще-то неплохо относился. Учился он хорошо и за меня всегда заступался, шпана его уважала, и я могла ничего не опасаться. Отец был ему даже благодарен за это. А потом бабка

Маша увидела, как мы целовались, донесла отцу, и началась у меня «красивая жизнь». Отец точно спятил. Орал: «Только зятя уголовника мне не хватало!» Сначала меня в другую школу перевели, потом вовсе перестали на улицу выпускать. Отец меня сам в школу отвозил. И встречал. Маме не доверял, она на моей стороне была, но отец никого не слушал. У него дела как раз в гору пошли, и он твердил, что я должна выйти замуж за приличного человека. Приличного – считай, богатого. Олега он просто возненавидел.

– Он называл его уголовником. Это из-за отца? Или были еще причины?

– Что ты имеешь в виду? – нахмурилась Юля.

– Бабки сказали, он магазин ограбил...

– Чушь. Эту байку мой отец придумал.

Она порылась в сумочке, достала пачку сигарет, спросила хмуро:

– Куришь?

Я отрицательно покачала головой, а она не спеша закурила, глядя куда-то вдаль, но вряд ли что видела.

– Когда ограбили магазин, – заговорила Юля, сделав пару затяжек, – отец на каждом углу твердил, что это дело рук местной шпаны, и не забывал упомянуть Олега. Такие, мол, как он, на все способны. Не знаю, на что он рассчитывал. Может, всерьез думал, что Олега посадят? Найдут крайнего и посадят. Но его не посадили, хотя крови, конечно, испортили. Таскали в милицию, грозились, говорили, что есть

свидетели. Я... я не знала, что делать, чем помочь. Боялась, что отец придумает еще какую-нибудь пакость и Олег меня бросит. Тогда мы и решили бежать... – Она выбросила сигарету в окно и уставилась на меня, точно прикидывала: стоит ли продолжать.

– Сбежать из дома? – переспросила я. – Сколько вам было лет?

– Шестнадцать. Мы чувствовали себя Ромео и Джульеттой, – усмехнулась девушка. – Весь мир против нас... вот и решили... Теперь я иногда представляю, как бы сложилась моя жизнь, если бы нам удалось бежать... Вряд ли хорошо. Как считаешь? Может, надо порадоваться, что все так вышло... – Она зло рассмеялась, покачала головой. – Планы у нас были наполеоновские. Уехать далеко-далеко... в Сибирь. Н-да... устроиться на работу. Ни от кого не зависеть, а главное – быть вместе. Начали денежки копить. Я экономила на всем, даже на завтраках в школе, откладывала каждую копейку, догадывалась, как они нам пригодятся. Иллюзий мы не питали, знали, будет нелегко. Но мы любили друг друга... по-настоящему. – Она вновь издала резкий смешок, постукивая по рулю наманикюренным ногтем. – Олег на хлебозаводе машины разгружал, в котельной подрабатывал, в прачечной, что на углу была... где только мог. Все деньги мне отдавал, дома держать их боялся, предки пьяницы и в его вещах копать любили, а если что найдут, непременно пропьют. За полгода собрали приличную сумму, то есть теперь

она мне кажется пустяком, а тогда мы чувствовали себя Ротшильдами. Брат знакомого парня, с которым Олег вместе на хлебозаводе работал, дальнбойщик, двадцать пятого августа собирался в командировку в Челябинск. Мы решили: Челябинск — это далеко. Он обещал взять нас с собой. Примерно за неделю мы стали готовиться. Надо было собрать кое-какие вещи, но из дома с чемоданом не пойдешь. Я знала, что мне, скорее всего, через окно убежать придется. Тут уж не до чемодана. В общем, я взяла старую сумку и стала потихоньку собираться в дорогу. Выносила по несколько шмоток из дома, чтоб в глаза не бросалось. Барахла у меня было много, и мама за неделю вряд ли бы внимание обратила... У Олега сумку не оставишь, довериться кому-то из подруг я не решалась, и...

— И вы устроили тайник в седьмом доме? — подсказала я.

— Ага, — кивнула Юля. — На втором этаже, в дымоходе. Дом стоял заколоченный, но мы нашли лазейку и там встречались. На улице нас могли увидеть и донести отцу. В те последние месяцы мы соблюдали осторожность, отца я заверяла, что с Олегом рассталась, и он уже не следил за каждым моим шагом. Двадцать пятого августа машина отправлялась в пять утра, мы решили встретиться в два, в седьмом доме. Надо было успеть добраться на другой конец города, где была автобаза. Вечером я себе места не находила. Мама заметила мою нервозность, спросила, не заболела ли я... маму было жаль. Но я решила, что напишу ей из какого-нибудь города,

чтоб нас найти не могли. Напишу и все объясню. А когда мы с Олегом поженимся и отец уже не сможет ничего сделать, я заберу маму к себе... В шестнадцать лет все такие идиотки? Ты в этом возрасте была влюблена?

— У меня были другие проблемы.

— Повезло, — хмыкнула Юля, а я едва удержалась, чтобы ответить «не очень». Когда мне исполнилось шестнадцать, мамы уже не было рядом, а незадолго до моего дня рождения меня похитили, чтобы получить выкуп. Папа, конечно, заплатил. Но денег похитившему меня ублюдку показалось мало, и трое суток он развлекался со мной. Все это время держал меня с завязанными глазами и был уверен: я его не узнаю. Через несколько лет мы встретились вновь. Я, само собой, не подозревала, кто передо мной, влюбилась на радостях, что красавец-мужчина снизошел до меня. Он стал моим мужем. Понятное дело, интересовала его вовсе не я, а деньги и связи моего отца, а сама ситуация казалась ему забавной и очень веселила. Через год у меня появились подозрения: однажды я услышала, как он отчитывает кого-то по телефону. Зло, издевательски. Эти интонации врезались в память, оттого и вызвали шок. Но я, конечно, не верила, то есть не хотела верить. Мой обожаемый Валера не мог похитить девушку, издеваться над ней... Забелин даже не стал ничего отрицать. Посмеялся и заявил, что я никуда не денусь. И ошибся. Моя большая любовь такого испытания не выдержала, а когда любовь вдруг исчезает, тот, кто был еще

вчера дороже всех на свете, стремительно теряет свою ценность. Он стал для меня тем, кем по существу и являлся: сволочью, которую следовало выкинуть из жизни пинком под зад. Что я и сделала².

Предавшись воспоминаниям, я с трудом вернулась к чужому рассказу.

– Я не могла найти паспорт, – после некоторой заминки продолжила Юля. – Хотя точно помнила, что положила его в сумку. Спросить родителей я не решалась, отец бы заподозрил, но без паспорта... В общем, я в конце концов пожаловалась маме, что паспорт потеряла. Она позвонила отцу. Он вернулся с работы, сказал, что паспорт у него, и спросил, зачем я его с собой таскаю. Я уже придумала историю: мне нужна справка в бассейн, а в поликлинике спрашивают паспорт. Документ он вернул, но то ли я была плохой актрисой, то ли он чересчур проницательным... В общем, в тот вечер он глаз с меня не спускал. Я отправилась спать пораньше, в надежде его успокоить, он открыл дверь в мою спальню, а сам сидел в гостиной и в телевизор тарасился. Я не знала, что делать. Время шло. Я даже не могла позвонить Олегу, потому что телефон отец отобрал. Усмехнулся и сказал: «Зачем он тебе ночью?» Отец ушел спать в четыре утра, мне пришлось выждать еще минут двадцать, и только после этого я смогла сбежать. Я верила, что успею. Мы позвоним пар-

² Подробно об этой истории читайте в романе Т. Поляковой «Найти, влюбиться и отомстить», издательство «Эксмо».

ню-дальнобойщику, и он дождется нас...

— Но в седьмом доме уже никого не было?

— Никого, — покачала она головой. — Мои вещи так и остались в тайнике. Я пошла к Олегу, подумав, что он вернулся домой, меня не дождавшись. Шел дождь, было холодно, несмотря на конец августа. Глухая осенняя ночь... Свет в его окнах не горел, а зайти я не решилась. Подумала, завтра, то есть уже сегодня, встретимся и все обсудим. В конце концов, ничего не мешает нам выбрать другой день для побега, и на этом дальнобойщике свет клином не сошелся. Так я себя уговаривала, но уже тогда знала — ничего не будет. Ничего. Я вернулась домой. Отец моего отсутствия не заметил, и это было единственной хорошей новостью. Утром я получила свой мобильный и позвонила Олегу. Его телефон был отключен. Я звонила и звонила, не зная, что думать. Потом пошла к нему. Его мать понятия не имела, где он. Я решила... Я решила, он сбежал один. Обиделся на меня, подумал, будто я испугалась, предала его. Вот и отключил мобильный. Какое-то время я надеялась, что он объявится, вернется домой, позвонит... Если не мне, то матери. Потом родители купили квартиру, мы переехали в другой район, но я попросила новых жильцов: если вдруг будет письмо, обязательно сообщить мне. Я ждала, четыре года ждала... Ну а потом... Вру, я ждала, даже когда вышла замуж... Я любила его по-настоящему и верила, что он вернется. Когда-нибудь. А он не вернулся. Теперь я знаю почему.

– У вас есть предположение, кто мог убить Олега? – выждав время, чтобы Юля могла немного успокоиться, спросила я.

– Если ты решила, что это мой отец, – зря. Он все время находился дома. С семи вечера и до четырех утра он был у меня на глазах. И он бы не стал никого нанимать. С головой у него, слава богу, все в порядке. А главное, он – не убийца. Одно дело распускать слухи, а другое...

– Родители Олега пытались его разыскать? Я помню: они пьющие, но ведь отсутствие сына должны были заметить.

– Они решили, что он сбежал. Все так решили. Даже милицейские, к которым я в конце концов пошла. Думала, мне помогут его найти...

– Сбежал?

– Да. Его друга арестовали. По обвинению в убийстве. Еще двое ребят испугались, что их тоже арестуют, и сбежали. Выходило, Олег тоже сбежал.

– Вы имеете в виду убийство Гавриловых? – спросила я.

– Конечно. Перестреляли всю семью, искали деньги. И обвинили в этом Кольку Шмыгина, с которым Олег дружил. Ты бы видела Шмыгу... добродушнее парня на свете не найти. Он был как ребенок, глупый, доверчивый... какой из него убийца? Смех...

– Но на каком-то основании его обвинили? – попыталась я внести ясность.

– Не знаю я их оснований, но точно знаю: Колька из тех,

кто мухи не обидит. Да если б не Олег с друзьями, ему б в районе жизни не было. Олег мог дать отпор любому, у него характер...

– И все-таки должна быть причина...

– Я ее не знаю. Олег был хорошим человеком. Сильным, смелым, справедливым. Он и убийство – это вещи несовместимые. Нет и еще раз нет. И друзья его нормальные ребята. Ну, могли подраться с парнями из другого района, но это еще ничего не значит. Шмыга иногда сумки тянул у зазевавшихся дамочек. Он, считай, один жил. И жрать хотел постоянно. Я его подкармливала. Мать у него бродяжничала, отца вовсе не было... Блин, ты, наверное, думаешь, бандиты-малолетки, да? И запросто могли квартиру ограбить, а хозяев убить? Но это не так. Не знаю, как объяснить. Им надо было выживать, но на убийство никто из них никогда бы не пошел. Даже Шмыга никогда бы у простой тетки кошелек не спер, только у тех, кого богатеями считал. Понимаешь?

– О Робине Гуде я, конечно, слышала. Вероятно, о его геройских поступках в милиции знали, и когда произошло убийство...

– Они нашли крайнего, – перебила меня Юля. – Самого беззащитного. Им надо было убийцу найти, весь район взбужден, четыре трупа... две женщины, жену Гаврилова еще и пытали.

– Когда произошло убийство? До или после вашего неудавшегося побега?

– Не помню точно... наверное, после. Я первые дни ходила точно пришибленная, плохо понимая, что происходит вокруг. Помню, как отец рассказал про Колькин арест. Злой был очень, еще произнес: теперь тебя таскать на допросы начнут, а все из-за того, что ты дура и в друзья выбираешь всякое отребье.

– Шмыгина осудили?

– Нет. До суда он не дожил. Умер от сердечного приступа. У него, в самом деле, было слабое сердце. Но болтали, конечно, что на допросах перестарались. Может, так и есть, не знаю. Еще двое ребят сюда не вернулись, но я знаю, что они живы-здоровы. Один живет в Белоруссии, другой в Украине. Нашла их ВКонтакте. Но об Олеге они ничего не знали.

– Понятно. Убивать Олега вроде бы не за что, но кто-то его убил. Причем убит он из огнестрельного оружия, так что речь не идет о случайном бомже, с которым они не поделили убежище. Вспомните, пожалуйста, когда вы пришли в седьмой дом, где была назначена встреча, вы спускались в подвал?

– Нет. Зачем? Я вошла, увидела, что на втором этаже, где мы обычно встречались, никого нет, позвала Олега... Потом проверила тайник. И решила, что Олег меня просто не дождался. Второй раз я пришла туда дня через два. Не знаю зачем. Тоска мучила, и я вдруг решила, что Олег там. Вот тогда к двери, что вела в подвал, подходила, но она оказалась заколочена.

– Скорее всего, это сделал убийца, чтобы труп не нашли заглянувшие туда дети.

– Дети там не появлялись. Кто-то выдумал байку, что в доме живет привидение.

– Если я что-то понимаю в детской психологии, то каждую ночь там отбоя не было от желающих познакомиться с привидением.

– Наверное, но что-то ребяtnю удерживало. Дом всегда мне казался зловещим, даже когда там жили люди. Болтали о какой-то секте, вроде в одной из квартир собирались всякие шизики для черных дел... К тому же после пожара дом заколотили. О лазейке знали только мы, потому и встречались там.

– Возможно, не только вы... Что ж, спасибо, что уделили мне время, – я попыталась улыбнуться, вышло так себе.

– Шутишь? – хмыкнула девушка. – Это тебе спасибо за то, что выслушала. Не знаю, с кем бы я смогла поговорить об этом. Вчера услышала в новостях... всю ночь не спала, едва дождалась, когда муж уедет на работу, и кинулась в Яму. Не могла поверить... да и сейчас не верю. Я привыкла думать, что он где-то есть. И однажды вернется. Вот такие дела, подруга. – Она подмигнула мне и опять полезла в сумку за сигаретами. – Не обижайся, – сказала вдруг, криво усмехнувшись, – но вашим клиентом я не буду. Своих денег нет, а у мужа просить... придется объяснять. Вряд ли ему понравится, что я до сих пор горюю о своей юношеской любви. Зачем

портить с ним отношения? Они и так далеко не безоблачны.

– Давно вы замужем?

– Шесть лет. Все, как папа хотел: состоятельный мужчина, квартиры, машины, все дела. Повезло. Устроилась на работу в одну фирму на полставки, пока училась, а шеф меня заметил. Начал ухаживать, а потом женился. Прямо как в кино. А я на свадьбе сидела и мечтала: сейчас войдет Олег, возьмет меня за руку, и мы сбежим. На край света. Глупо, да?

– Не знаю.

– В любом случае: муж – это муж. И ссориться с ним я не хочу. В общем, извини. Надеюсь, то, что я тебе рассказала...

– Не беспокойтесь. Ничего особенного вы не рассказали, да и вашего мужа вряд ли огорчит любовная история одиннадцатилетней давности. Это ведь не измена, это то, что было до него. И уже давно не имеет значения.

– Ты так думаешь? – хмыкнула она.

– Может, имеет. Для вас. Всего доброго.

– Эй, – позвала Юля, когда я уже собралась выходить из машины. – Чего ты мне все «выкаешь»? Что, выгляжу намного старше?

– Вы отлично выглядите, – улыбнулась я и поспешила проститься. После чего набрала номер участкового: – В кино пойдем?

– Это шутка такая? – обиделся он.

– Почему? Идем или нет?

– Конечно, идем.

Я ждала его возле кинотеатра «Октябрьский», уплетая мороженое и лениво поглядывая по сторонам. Егор опоздал на десять минут, физиономия его была совершенно несчастной, дышал с трудом, точно отмахал пару километров резвым галопом, и с ходу принялся оправдываться:

– Хромой Али притащился, когда я уже уходить собрался. Ты же знаешь, какой он нудный тип. Его ж не переслушаешь. Сто раз одно и то же...

– Не переживай, у нас же не свидание, – порадовала я.

– Да? А что?

– Просто дружеская встреча. Мы теперь почти коллеги.

– Вот обрадовала...

– Все фильмы – полный отстой, – продолжила я. – Пока тебя ждала, отзывы в Интернете посмотрела. Есть альтернатива – кафе неподалеку. Платим каждый за себя, чтоб ты не разорился.

– Я не разорюсь. Может, у меня нет столько денег, сколько у твоего Владана, но девушку угостить я вполне способен.

– Здорово. Тогда идем?

Кафе ему понравилось: современный интерьер, хорошее обслуживание, а главное, публика демократичная. Никаких теток с бриллиантами и дядей с платиновыми карточками в бумажниках.

Заказ мы уже сделали, и мне не терпелось перейти к насущному. Егор посмотрел на меня, хмыкнул и спросил:

– С Демидовой виделась?

– Конечно. Кстати, она замужем. Но фамилию не сменила. Наверное, надеялась, так Олегу будет проще ее отыскать.

Я рассказала историю юных влюбленных. Пиво нам принесли, Егор неспешно делал глоток за глотком, слушая меня, и задумчиво кивал.

– Если хочешь знать: я ее очень даже понимаю. Зачем старое ворошить? У нее муж, и ему, конечно, не понравится... Мне бы точно не понравилось. Чего усмехаешься? Старая любовь не забывается.

– Ага. О своих взглядах на семейную жизнь потом расскажешь. Лучше подумай, кому надо убивать парня, который собрался бежать из города с любимой?

– Ее отцу.

– Юлия утверждает, что из дома он не выходил. А потом... не очень серьезный мотив для убийства, как считаешь?

– Если хочешь знать, иногда убивают из-за такой ерунды... А тут единственная дочь могла себе жизнь искалечить. Вполне себе мотив...

– И откуда у дяди оружие?

– Купил.

– Согласна. Еще идеи есть?

– Дружки. Узнали, что он решил сбежать, обиделись.

– Не разочаровывай меня, в этом суть мужской дружбы?

– У них там что-то вроде банды...

– Дворовая шпана. Оружие они, конечно, купили...

– Ладно. Сдаюсь, – махнул рукой Егор. – Давай свою версию.

– В том-то и дело, что ее нет. Парня застрелили. Ты можешь представить, как взрослый мужик пробирается в пустой дом с пистолетом в руках и стреляет в шестнадцатилетнего мальчишку? Или те же дружки. Ну, надавали бы по роже, могли и вправду убить, не рассчитав удар, но стрелять...

– Понял. Там был кто-то посерьезней.

– Точно. Появление Олега явилось не просто неприятной неожиданностью. Оно стало проблемой, которая решалась лишь одним способом.

– То есть Олег что-то видел. Что-то или кого-то. Учитывая, что напротив был дом, где жили Гавриловы...

– Все не так просто. Окна в седьмом доме заколочены, вряд ли много чего увидишь, хотя парень ожидал любимую, мог выйти на улицу...

– С улицы обзор не тот, но, допустим, он кого-то заметил. Машину, людей... что-то, что могло показаться впоследствии подозрительным. Да и оторвать доску в заколоченном окне совсем не трудно.

– Юля точно не помнит, до или после неудачного побега произошло убийство, если окажется, что до, версию можно считать рабочей.

– По-моему, все логично, – пожал Егор плечами.

– Не все, – вздохнула я.

– Что не так?

– Получается, Гавриловых убила не какая-то шпана... А кто?

Егор моргнул и в недоумении на меня уставился:

– Ты меня совсем запутала.

– Хорошо, давай еще раз. Какие-то отморозки вламываются в квартиру Гавриловых, убивают четырех человек, одну из женщин перед смертью пытаются, цель вроде бы ясна – ищут деньги. Отморозки на то и отморозки, что действуют импульсивно, не выстраивая сложных комбинаций. Налетели, постреляли, залегли на дно. То, что вместо двух пожилых людей в доме оказались еще и их дочь с зятем, вроде бы указывает на то, что никакой подготовки к нападению не было. Явились ночью и...

– По сути, дружки-отморозки были заинтересованы в том, чтобы Олег сбежал со своей подругой? – завозился на своем стуле Егор.

– Их могли вернуть, родители девчонки стали бы ее искать.

– Полина, скажи прямо, куда ты клонишь?

– Именно это я и пытаюсь сделать. Убийство спихнули на шпану, дело закрыли. На это, скорее всего, убийца или убийцы и рассчитывали. Другими словами, одно преступление замаскировали под другое, что блестяще удалось. Целью были не сбережения Гавриловых.

– А что? – нахмурился Егор.

– Вот это нам и предстоит выяснить.

– С ума с тобой сойдешь... Как выяснить?

Я взяла маслину и сунула в рот:

– Кто у нас в полиции работает?

– Я – участковый. Мое дело...

– Да знаю я... что-то должно быть... может, Гавриловы жили не по средствам? Тайный наркобарон. Или его жена обладала страшной тайной... дочь, зять... нам ведь ничего о них не известно. Уверена, если копнуть поглубже, что-то появится. И на горизонте замаячит отгадка, почему появился киллер с пистолетом, который не забыл убрать свидетеля. Настоящего или предполагаемого. Ведь Олег мог не видеть киллера в ту ночь, когда убили семью, но знал о Гавриловых нечто такое, что делало его опасным.

– Час от часу не легче. А следы были такими олухами, что им это в голову не пришло?

– Они нашли подозреваемого. Чего ж было напрягаться? Кстати, надо бы выяснить, почему подозрение пало на Шмыгина. В деле это должно быть.

– Допустим, с делом разберемся. Но тут работы на сто лет... Надо искать родственников Гавриловых, может, они что знают.

– Правильно, – порадовалась я.

– Искать их должен я? Кстати, если верить сериалам, нужные сведения легко откопать в Интернете. Почему бы тебе...

– Видишь ли, дорогой коллега, большинство женщин плохо паркуются, знать не знают, кто выиграл последний чем-

пионат по футболу, и не дрожат от восторга при мысли о поисках сведений в Интернете. Для этого есть шизанутые мужики, в штанах с пузырями на коленках и застиранных футболках, они говорят на странном языке и ведут скучную сексуальную жизнь.

– По-твоему, я на них похож?

– Мне показалось, что вы с компьютером не особо ладите. Может, лучше работать по старинке? И не говори, что участковому так уж сложно заглянуть в уголовное дело одиннадцатилетней давности, про которое все давно забыли.

– Так и быть, но...

– Что? – засмеялась я.

– Ты мне поможешь с бумагами. Ненавижу эти дурацкие отчеты...

Егор не успел договорить, когда я услышала голос за своей спиной:

– Добрый вечер.

Резко повернулась и увидела бывшего. Он стоял в двух шагах от меня и смотрел на Егора с веселым недоумением. Вот уж кого я не ожидала здесь встретить, место для него совершенно неподходящее. Забелин предпочитал рестораны, где один салат стоил столько же, сколько тут ужин на двоих. Я не ожидала его встретить и уж точно этого не хотела.

– Какой сюрприз, милая. – Забелин наклонился и быстро меня поцеловал, я в это время самым дурацким образом тарашилась, гадая, откуда его черт принес, и даже не успе-

ла отстраниться. – Познакомишь нас? – продолжил он кривляться.

– Перебьешься.

– Вы не будете столь любезны оставить нас ненадолго наедине, – обратился он к Егору.

Тот, не понимая, что происходит, переводил взгляд с меня на Забелина.

– Погуляй немного, – совсем другим тоном бросил бывший, и Егор под его взглядом поднялся и отошел в сторону, потом, вроде бы опомнившись, повернулся. – Иди, иди, – кивнул ему Забелин и опять наклонился ко мне: – А мы немножко поболтаем.

– О чем? – стараясь сдерживаться, спросила я.

– Что это за сосунок? Твой Владан устроил себе медовый месяц, а ты с горя пустилась во все тяжкие?

– И кто мне запретит? С парнем поаккуратней, он – полицейский.

– Да, со вкусом у тебя последнее время беда. – Он широко улыбнулся, а я в который раз поразилась, как сильно меняла его улыбка. Он мгновенно превращался во взрослого мальчишку, точно излучавшего солнечный свет. Чем, кстати, умело пользовался. Плохие парни, как известно, не могут так улыбаться. – Значит, твой Серб тебя бросил, – сочувственно покивал он. – Этого следовало ожидать.

– Свои соболезнования можешь отправить электронкой. Я все равно писем не читаю.

– Храбришься? – склонив голову набок, спросил он. – А может, твоя любовь уже улетучилась? Может, ее и не было? Почему бы нам не позабавиться, как раньше? – с этой своей задорной улыбкой предложил он и подмигнул. – Помнишь, как тебе это нравилось? Особенно когда я...

И только когда он вдруг зажмурился, а по лицу его потекла вода, я поняла, что сделала: выплеснула ему в физиономию бокал минералки. Не стоило этого делать. Не стоило показывать, что меня задела его слова. Он для меня – пустое место, твердила я себе, его не существует. Но он оказался рядом, и я не сумела сдержаться.

– Сам напросился, – буркнула я, слегка удивляясь, что голос мой звучит спокойно, и рука, когда я ставила бокал на место, не дрожала.

К столу торопливо подошел Егор, и я порадовалась, что он рядом.

– Все в порядке? – спросил участковый тревожно.

– Все отлично, – ответил Забелин, успев вытереть лицо салфеткой. – Удачи, дорогая. Она тебе пригодится.

Он направился к выходу, а Егор плюхнулся на свое место, глядя на меня с беспокойством и сочувствием.

– Кто этот тип?

– Бывший муж.

– Этот? – ахнул он и только потом спросил: – У тебя был муж?

– Ну да... такое случается. Девушки иногда выходят за-

муж, потом разводятся и публично выясняют отношения с бывшими. Извини. Испортили тебе вечер.

– Черт с ним... я хотел сказать, лишь бы тебе было хорошо.

– Отлично себя чувствую. Давай я расплачусь, и мы пойдем отсюда.

– Расплачусь я, нечего совать мне в нос свою золотую кредитку. Полина, ты можешь злиться на меня, но... Он не похож на парня, которого развод устроил. Что ты натворила, а? Почему вы развелись? Это из-за Сербана?

– Сербан здесь совершенно ни при чем. Ты все неверно понял: бывший злится, что лишился денег моего отца. Без меня ему живется легко и радостно, а денег, конечно, жаль, – засмеялась я, в надежде поднять настроение и себе и Егору.

Подошел официант, мы расплатились и пошли к двери, чувствуя на себе взгляды присутствующих и не испытывая от этого ни малейшего удовольствия.

– Откуда он взялся? – пробормотала я в досаде уже на улице. Эта мысль не давала покоя. – Вот уж не думала, что он заглядывает в кафешки вроде этой.

– Может, увидел нас, когда мы подъехали?

– Может, – не стала я спорить. – Садись в машину, отвезу тебя домой.

– Я тебя провожу... а от тебя я на такси уеду, вызову по дороге, – твердо сказал Егор, устраиваясь рядом со мной.

– С какой стати? – удивилась я.

– С такой. Мне не понравилось, как этот тип на тебя смотрел.

Я-то прекрасно знала, чего можно ждать от Забелина, оттого и решила принять предложение Егора.

– Давно вы развелись? – не унимался он.

– Недавно. Может, сменим тему? Совершенно не хочется говорить о бывшем.

– А кто твой отец?

– Поражаешь ты меня, участковый, – покачала я головой. – Так мало интересоваться человеком, вместе с которым затеваешь опасное дело.

– Это какое же?

– Расследование.

– А я уж думал, предложишь банк ограбить.

– Зачем? У меня папа богатый.

Я оставила машину во дворе, Егор выразил желание вместе со мной подняться в квартиру.

– Будешь меня соблазнять? – съязвила я.

– Очень надо.

В квартиру Егор вошел первым, заглянул в комнату, потом в кухню и даже в ванную и туалет. Удовлетворенно кивнул и сказал:

– Вызывай такси. И не думай, что я параноик. Я тебе о бывших супругах такого могу порассказать...

– Не надо. Верю, что можешь. И спасибо тебе.

Я приподнялась на носках и поцеловала его в лоб. Вполне

по-дружески, но он все равно покраснел и сказал, стараясь скрыть смущение:

– Твоему папе новый зять случайно не нужен?

– От старого никак не избавимся.

Я вызвала такси, и пока мы ждали машину, успели выпить кофе, Егор ушел, а я тщательно проверила замки на своей двери.

Утром о Забелине я даже не вспомнила, меня куда больше интересовало расследование. Приехав в офис, тут же позвонила Егору. Вряд ли он успел что-то разузнать, но я все равно надеялась. Он шепнул в трубку:

– Не могу говорить, – и отключился.

Ожидание всегда давалось мне нелегко. Я позвонила папе. Он готовился к деловой встрече, так что разговор вышел коротким. Взглянула в окно, туда, где виднелась скромная вывеска кафе, но вместо того, чтобы отправиться к Тамаре, посоветовала себе заняться чем-то полезным. Нанести визит бабкам и расспросить их о Кольке Шмыгине? Тоже мне источник информации... если б можно было взглянуть на уголовное дело... В этот момент хлопнула входная дверь.

«Егор», – обрадовалась я, но в кабинет вошел совсем другой мужчина, вызвав своим появлением удивление и легкую досаду.

– Привет, красотка, – сказал он, сделал ручкой, после чего повалился в кресло и закинул ногу на ногу.

– Привет, – с кислым видом ответила я.

– Твоя работа? – с любопытством оглядываясь, спросил Бад.

Под этой кличкой, прилипшей к нему еще в детстве, он был здесь хорошо известен. Боюсь, что за пределами района тоже. Басаргин Алексей Дмитриевич, давний друг Владана, однако жизнь некоторое время назад развела их далеко и основательно. Бад считал себя бизнесменом, но в правоохранительных органах с этим вряд ли согласятся. Если честно, не очень-то я была осведомлена о его деятельности. Зато у меня, как и у Владана, имелись все основания полагать, что Бад виновен в гибели их общего друга, хотя Алексей и пытался разубедить меня в этом. Не скажу, что особо старался, но пытался, без сомнения. Являться сюда, даже в отсутствие шефа, Бад у точно не следовало. Это бы не понравилось моему работодателю, а значит, не понравилось и мне. Я нахмурилась и сверлила его взглядом, пытаясь донести до его сознания мысль, что гость он не желанный.

– Серб вряд ли придет в восторг, – не дождавшись моего ответа, заметил Алексей. – Он терпеть не может что-то менять в своей жизни.

– Кто это сказал? – усмехнулась я.

– Значит, он отправился отдыхать на Мальдивы, – усмехнулся Бад. – Сомневаюсь, что долго там выдержит.

– Он не один.

– Я в курсе. И тебя это совсем не волнует?

– Меня это очень волнует, – разозлилась я. – Но это совсем не волнует Владана. Свинство, правда?

– Я был уверен, что Маринка для него ничего не значит.

– Приятно встретить единомышленника, жаль, что с прогнозами мы лопухнулись.

– И вместо того чтобы послать подальше этого идиота, ты сидишь в офисе и ждешь его возвращения.

– Не забудь, я сделала ремонт.

– За что получишь по полной, – в тон мне добавил Бад. – Скажи, красотка, ты просто так здесь сидишь или у тебя миссия?

– Конечно. Слежу за хозяйским добром и караулю клиентов.

– А с участковым вы что мутите?

Я, разумеется, знала, что с системой оповещения тут полный порядок, и все же была впечатлена.

– Господи, – простонала я. – Ты же здесь уже сто лет не живешь. Скажи, откуда...

– Сорока на хвосте принесла, – с серьезной миной ответил он. – Участковый молод, равнодушен к женским прелестям, к тому же явно на голову слаб. Так во что ты его втравила? Я ведь правильно сформулировал вопрос?

– Ты слышал, что сломали седьмой дом и нашли в подвале труп?

– И что тебе за дело до этого?

– А тебе что за дело до того, чем я занята? – не выдержала

я.

– Сербу это вряд ли понравится.

– А не фига бросать меня здесь одну.

Утверждение, весьма далекое от действительности. Начать с того, что никто меня не бросал, раз уж не обещал ничего. И в помощницы Серба я сама напросилась. То есть упорно вешалась на шею, стараясь любым способом держаться рядом.

– Особенно ему не понравится, – продолжил Алексей, не слушая меня, – если с тобой произойдет что-то скверное.

– А это ты к чему?

– К тому, что за тобой увязался какой-то тип. Я заметил его вчера, а сегодня утром он опять висел у тебя на хвосте, когда ты сюда отправилась.

– Шутишь? – нахмурилась я и зачем-то посмотрела в окно.

– А чего тогда не смеешься? – спросил Бад.

– Я лучше спрошу, как ты умудрился предполагаемый «хвост» заметить? Случайно мимо проезжал?

– Собирался с тобой поговорить еще вчера, узнав, что ты лезешь, куда не просят, без ведома Владана. «Хвост» обнаружил действительно случайно. Хорошо, что я его заметил раньше, чем он меня. Сегодня хотел выяснить, что это за фрукт такой, но он ушел очень ловко. Значит, так, бурную деятельность до возвращения Серба прекращаешь. И знаешь что, отправляйся-ка ты отдыхать. Хочешь, составлю компа-

нию.

– Чего это ты раскомандовался? – возмутилась я.

– Владан – мой друг, – заявил он ворчливо. – Возможно, он так не считает, но сути это не меняет. Я его должник. При этом знаю, как он к тебе относится. Если любопытной дурехе свернут шею, он себе этого никогда не простит. И я себе, кстати, тоже. Не стану врать, что жить без тебя не смогу, раз уж живу и очень даже неплохо, но мы провели незабываемую ночь...

– Придурок, – фыркнула я.

– Мы целовались, – дурашливо поднял он брови. – Неужели не помнишь?

Тут он оперся локтями на колени, подавшись вперед, и сказал совсем другим тоном:

– Полина, я не шучу. Дождись Владана и там хоть на ушах стой, а пока не смей никуда лезть. Иначе посажу под замок до его возвращения.

– И, скорее всего, вместо благодарности получишь от него в зубы, – хмыкнула я.

– Это не самое страшное в жизни.

Мы некоторое время молча смотрели друг на друга, потом я спросила, стараясь, чтобы мои слова прозвучали без намека на язвительность:

– Надеешься, что он это оценит?

– Надеюсь, – серьезно ответил он, покачал головой и продолжил: – Владан – мой друг. И я им дорожу. Между друзьями-

ми иногда возникает непонимание... Был бы очень признателен, если бы ты...

– Он меня не послушает, – вздохнула я. – Ты же знаешь, он никого не слушает. И ты, конечно, прав, я занялась этим исследованием, чтобы не свихнуться от мысли, что он сейчас с Маринкой...

– Иногда надо просто быть терпеливым... – Бад поднялся, подошел ближе и положил руку мне на плечо, а я погладила его ладонь. Но тут же испугалась, что захожу слишком далеко, и поспешно отстранилась. Бад усмехнулся, пошел к двери и, уже распахнув ее, погрозил мне пальцем:

– Веди себя хорошо.

Егор объявился после двух, вошел в приемную, которая могла похвастать новой отделкой, чистотой и полным отсутствием клиентов.

– У меня новости, – заявил он ворчливо.

– Хорошие?

– Не очень. Сегодня утром позвонил какой-то тип и посоветовал заниматься своими делами, а исследование убийства предоставить профессионалам. Я, значит, не профессионал, а вообще не пойми кто, – зло фыркнул он. – Вот так вот... Я-то думал, этот труп никому на фиг не интересен. И вдруг такое... Выходит, ты права, Гавриловы погибли все не потому, что наркошам срочно доза понадобилась, была причина посущественнее, и кто-то до сих пор боится, что

она наружу выйдет. Чего молчишь?

– Хочешь кофе?

– Конечно. И бутерброд, если есть.

Я приготовила ему кофе. Бутерброд тоже нашелся, пока Егор жевал без видимого удовольствия, я прикидывала, стоит ли рассказать ему о визите Бада. Придется рассказать, от компаньона секретов быть не должно. Надеюсь, Егор придерживается того же правила.

– Вполне возможно, что тебе звонил Бад. Он заглянул сегодня, советовал до возвращения Владана никуда свой нос не совать и горько сетовал, что я на тебя дурно влияю.

– Бад? – хмуро переспросил Егор.

– Ага. Знаешь такого?

– Слышал, конечно. Я не понял, у него что за интерес?

– Вот на этот вопрос я ответить затрудняюсь, – помешивая ложечкой кофе, сказала я. Ложки были серебряные, их я принесла из дома. Набор чашек купила в универсаме. Владан этого в лучшем случае не заметит, в худшем – потребует вернуть свой старый треснутый бокал, который я с удовольствием выбросила, но уже начала жалеть об этом. – Вроде бы он беспокоится, что мы наживем приключений на свои задницы, то есть я наживу. Ты его не очень беспокоишь.

– Правда? Вот горе-то...

– Короче, он руководствуется исключительно моей безопасностью. Оттого и пригрозил: до приезда Владана посадит меня под замок, если мы продолжим дальше копать.

– Прямо отец родной...

– Ага.

– Не в обиду тебе будет сказано, друзья у тебя...

– Ты еще мужа вспомни, – разозлилась я.

– Такого не забудешь. И что дальше?

– Бад сказал, что за мной кто-то приглядывал.

– В смысле? – Тут глаза у Егора полезли на лоб. – Следил, что ли?

– Ты ничего такого не заметил? Я имею в виду, может, и за тобой кто увязался?

– Ха-ха-ха, – сказал он очень медленно. – Прямо детектив в духе комиссара Катанья. В детстве кино смотрел, про итальянскую мафию.

– Конечно, Бад мог это выдумать, – не обращая на его слова внимания, продолжила я. – Чтобы я прониклась серьезностью ситуации. А вот причина его заботы может быть разной. Он предлагал, как вариант, дружеские чувства к Владану, но...

– Не тяни, – сказал Егор.

– Не буду. Что, если это Бад не заинтересован в раскрытии убийства одиннадцатилетней давности?

– То есть Гавриловых как раз он и порешил? А что... – посидев немного с сосредоточенным видом, произнес Егор. – Одиннадцать лет назад он в страхе всю округу держал. И всю мочил конкурентов.

– Тебе-то откуда знать? – поддразнила я. – В то время ты

еще в школе двойки получал.

– Четверки. Я с детства мечтал работать в милиции и разгул преступности без внимания не оставил. А ты знаешь, что про твоего Владана рассказывают?

– Знаю, но в сказки не верю и тебе не советую. Ладно, почему Бад забеспокоился, мы так или иначе узнаем. Скажи лучше, ты сведениями разжился?

– Кое-что интересное есть, – кивнул Егор. – Встретился с бывшим участковым, который одиннадцать лет назад здесь работал. Фамилия его Карпов. Через год после убийства ушел на пенсию. Мужик серьезный, и с памятью у него порядок. Так вот, он считает убийство Гавриловых делом темным.

– В каком смысле? – нахмурилась я.

– В том смысле, что следы либо очень спешили дело раскрыть, либо им кто-то посоветовал найти крайнего и никуда не лезть.

– Здорово. А поподробнее нельзя?

– Можно. Карпов не сомневается, что Шмыгу сделали крайним. Парень сдал часы одному барыге, он здесь на районе живет, правда, теперь уже старенький и от дел отошел. Барыга, узнав об убийстве, о часах сообщил ментам, был у них осведомителем, по-другому таким, как он, нельзя, мигом лавочку прикроют. Само собой, Шмыгу тут же взяли. Допросили и за друзьями его отправились, но дружки об аресте прознали и смылись. Олег Кириллов в том числе, мать ска-

зала, уже две ночи не ночевал, но могла, конечно, соврать или напутать, хотя, по идее, должна бы сына выгораживать и твердить, что в ночь убийства дома спал. То, что дружки в бегах, их вину вроде бы подтверждало. Сам Шмыга от часов не отрещивался, но заявил, что спер их накануне убийства. Якобы свистнул из машины, которая стояла возле дома Гавриловых. По его словам, на заднем сиденье пакет лежал, и он его прихватил. В пакете оказалась какая-то одежда и часы, ношенные, но видно, что дорогие. Часы он барыге отнес, а барахло – в секонд-хенд. Машину он никогда раньше не видел и решил, что не местная, а с чужаками тут не церемонятся...

С этим я охотно согласилась, мало того, за последние одиннадцать лет в этом смысле тут мало что изменилось.

– Шмыга видел, как дамочка вышла из часовой мастерской, за пакетом полезла, а потом заволновалась, его не обнаружив. Досматривать шоу не стал и удалился. Больших денег барыга ему не дал, хотя и согласился, что часы дорогие.

– Часы, само собой, принадлежали Гаврилову? – спросила я.

– Его зятю. Подарок друзей, с дарственной надписью на обороте. Оттого барыга копейки дал, сказав Шмыге: кому их продашь? Повода задерживать Шмыгу за убийство вроде бы не было. Но... – тут Егор сделал паузу, подняв указательный палец, и сам с интересом взглянул на него, – барыга вдруг поменял показания, и теперь выходило, что часы Шмыга принес не до, а после убийства.

– Парня подставляли, выгораживая настоящего убийцу? – вслух подумала я.

– Или все еще проще: всю семью перестреляли, дело, как говорится, резонансное, других подозреваемых не было, а тут готовый преступник. Шпана, вор, вполне может быть и убийцей. А пока разбирались, что и как, Шмыга умер.

– Сам или помог кто?

– Сам. У него сердце с детства больное. Насели на него не на шутку... в общем, все одно к одному. Поначалу думали, он приступ симулирует, а уж потом поздно стало.

– И дело после этого закрыли?

– Не сразу. Городское начальство поменялось, и потихоньку все сошло на нет.

– Так что все-таки убийцы Гавриловых забрали из дома?

– Кто ж знает, если не ясно, что у них было. Может, папаша-часовщик золото-бриллианты прятал. Деньги-то у него должны водиться... хотя... не знаю, Полина.

– Но получается, убийцы забрали только часы. Не за ними же приходили?

– С часами все ясно, – отмахнулся Егор. – Уверен, Шмыга их действительно спер из машины. Они, по словам барыги, отставали, я думаю, дочка Гаврилова их папе привезла починить. Но положила не в сумочку, а в пакет с вещами и вспомнила об этом лишь у отца в мастерской. Вернулась, а Шмыга уже пакетик подрезал...

– Бедный парень, – вздохнула я. – Знал бы, чем все обер-

нется, близко бы к машине не подошел.

– Бедный, – передразнил Егор. – Таким бедным в старину руки отрубали.

Я закатила глаза, демонстрируя свое отношение к познаниям коллеги в области истории, но тут же спросила:

– Значит, что на самом деле убийца искал в доме Гавриловых, мы представления не имеем?

– Либо налетчики искали деньги, либо...

– Они вовсе не налетчики, – подхватила я. – И банальное убийство пытались замаскировать под лихой налет с летальным исходом для хозяев. А Олег оказался невольным свидетелем.

– Да мы даже не знаем, действительно его убийство связано с гибелью семьи Гавриловых или нет, – напомнил Егор.

– Вот именно, – съязвила я. – Иными словами, ничего полезного ты не узнал. – Егор взглянул с удивлением, которое быстро переросло в обиду, а потом и в возмущение. – Нам нужно заглянуть в уголовное дело, – напомнила я, не дожидаясь, когда он начнет возмущаться.

В тот день мы все-таки навестили того самого барыгу, хотя ни Егор, ни даже я не видели в том особого толка. Дядьке оказалось хорошо за семьдесят, он недавно перенес инсульт и говорил с трудом. Как ни странно, тот давний случай вспомнил и заверил, что сменить показания его вынудил следователь, а в действительности Шмыга принес часы до, а не после убийства.

– Болтали, что у Гавриловых деньги водятся, – продолжил он. – Откуда эти разговоры, не знаю, жили они не богато, но дыма без огня не бывает... Не наши их убили. Шила в мешке не утаишь, а в тот раз никаких слухов.

– Должны быть какие-то подозреваемые, – когда мы возвращались в офис, ворчала я. – А если Шмыга не просто так часы украл?

– Ты говори, да не заговаривайся, – хмыкнул Егор. – Украл, чтоб на него убийство повесили?

– Вот именно, о чем он, конечно, не догадывался.

– Когда светит срок за убийство четырех человек, соображать начинаешь быстро, и того, кто его надоумил свистнуть часы, парень бы выгораживать не стал.

– Так, может, и не выгораживал, – усмехнулась я.

Егор чертыхнулся, взглянув недовольно, и спросил:

– Мне прямо сейчас в архив бежать?

– Ну... бежать не надо, а вот поторопиться не мешало бы.

В тот вечер по дороге домой я то и дело поглядывала в зеркало заднего вида. Слова Бада даром не прошли, вызвав в душе смутное беспокойство. Квартира показалась неприветливой, даже чужой. Может, позвонить Егору? Но лишь только потянулась к мобильному, как сразу почувствовала угрызения совести, нельзя так беспардонно пользоваться его добротой. Вместо этого я позвонила папе, он, видимо, уловил мое настроение и тут же задал вопрос: все ли у меня в

порядке? И я поспешно заверила, что если и не являюсь самым счастливым человеком на свете, то уже близка к этому. Простившись с папой, вышла в скайп, в робкой надежде, что Руфина вернулась из очередной поездки в Тибет и ответит. Руфина – моя подруга, но, к сожалению, в последнее время мы не только виделись редко, но даже разговаривали нечасто.

«Надо было с ней ехать, – с внезапной обидой подумала я. – Медитировала бы в монастыре, занималась йогой, все лучше, чем считать дни, ожидая, когда Владан вернется».

Вот кому мне действительно хотелось позвонить. Желание было столь острым, что пришлось убрать мобильный подальше. Тут я вспомнила про своего давнего друга Юрку и набрала его номер.

Юра ответил сразу, а через час мы встретились в кафе. Он не спеша поведал о новостях в личной жизни, точнее, об отсутствии этих самых новостей, и о делах на работе, которые тоже новизной не блистали. Юрка трудился на телевидении оператором, работой был доволен и жизнью в целом тоже.

– А у тебя как дела? – спросил он скорее всего из вежливости и поставил меня в слегка затруднительное положение.

– Какие у меня дела? – буркнула я. – Вот, с тобой сижу.

– Владан еще не вернулся? – осторожно поинтересовался он.

– Нет.

– А чего там с трупом? – вдруг задал вопрос Юрик и в

ответ на мой удивленный взгляд продолжил: – Ты что, не в курсе? Неподалеку от вашего офиса во время строительных работ труп нашли.

– Да в курсе я, в курсе... – Тут я вздохнула и принялась рассказывать о нашем с Егором расследовании.

– Одиннадцать лет в подвале пролежать, – покачал головой Юрка, когда я закончила. – Столько людей рядом жили... ходили мимо. Даже его собственная мать. Жуть. Не сердись, но, по-моему, вы зря тратите время. Такие убийства редко раскрываются.

– Тебе откуда знать? – не удержалась я.

– Откуда... простая логика. Слишком много времени прошло.

Покинув кафе, мы немного прогулялись по набережной, потом Юрка заторопился домой. Рано утром он отправлялся в командировку куда-то в район. Мы простились, а через минуту мне стало ясно: я не хочу возвращаться в свою квартиру, хотя никаких причин для этого вроде бы не было. Не хочу, и все.

Я зашла в магазин за продуктами, и все время, пока стояла в очереди в кассу, а потом шла к машине, пыталась понять: что это вдруг за странности в поведении? Возможно, предупреждение Бада произвело куда большее впечатление, чем я думала. Вот тогда я и решила заночевать у папы. В конце концов, у меня в его доме есть комната... Дом на охране, и неведомые злодеи вряд ли решат искать меня именно там:

в последнее время в доме отца ночевать я оставалась редко, а в его отсутствие вообще никогда. Одним словом, это была идея из разряда гениальных, то есть в тот момент я примерно так и думала. Забросила пакеты с провизией в багажник и поехала на улицу Куйбышева, где жил папа.

К тому моменту уже окончательно стемнело. Фонари перед крыльцом не горели, дом высился за забором темной громадой, и я вдруг запаниковала. Остаться здесь тоже не хотелось. Снять номер в гостинице?

«Глупости, – возмутилась я и попробовала вправить себе мозги. – Дело вовсе не в том, что ты кого-то боишься. Дело в том, что без Владана просто места себе не находишь...»

Я открыла ворота, въехала на дорожку, которая заканчивалась возле гаража, и, оставив там машину, решительно направилась к крыльцу, не забыв прихватить пакеты из багажника. Моя интуиция, как выяснилось позднее, не дремала в тот вечер, однако услышана, к сожалению, так и не была. Предупреждение об опасности я списала на любовные мытарства.

Этот дом я всегда любила. Все здесь оставалось неизменным, как было еще при маме. Цветы в холле, ковер в гостиной и даже кухонные прихватки. Не разбирая покупки, я включила телевизор и электрический чайник. Выпила чаю, устроившись возле стойки, смотрела программу новостей без особого интереса и решила, что сегодня стоит лечь пораньше.

За моей спиной было окно, которое я не потрудилась занавесить. Поставив чашку в мойку, я подумала, что окно меня беспокоит. Такое чувство, будто с улицы кто-то смотрит... Чушь... окно выходит в сад, забор высокий, калитку я заперла.

«Надо поставить дом на охрану», – решила я. Потянулась, чтобы опустить рулонную штору, и успела уловить движение за окном. Я придвинулась ближе, вплотную к стеклу, вглядываясь в темноту, а когда поняла, что вижу лишь отражение, что движение происходит не в саду, а у меня за спиной, было уже слишком поздно. Я почувствовала на плече чью-то руку, вскрикнула от испуга и попыталась повернуться, но в нос вдруг ударил резкий запах, и я мгновенно провалилась в беспамятство.

В себя я пришла от яркого света, который бил в лицо, и, открыв глаза, в первое мгновение ничего не увидела. Я прищурилась, ожидая, когда глаза немного привыкнут, тут источник света немного сместился вправо, и стали проступать предметы, а я, наконец, сообразила: на меня еще секунду назад была направлена включенная лампа. Сразу всплыли кадры допросов, увиденные в фильмах, и я испуганно замерла, до этого момента страха не испытывая, скорее удивление. События быстро восстановились в памяти. Я приехала в дом отца, решила, что в саду кто-то бродит, а некто пробрался в коттедж, который я, по наивности, сочла безопасным, и те-

перь я... где? Вскоре я смогла убедиться, что лежу на чем-то мягком, под головой подушка, руки и ноги не связаны. Есть надежда, что незваный гость, кем бы он ни был, не займется членовредительством, а для начала объяснит, что происходит. Надежда придала мне отваги, я приподнялась на локтях и попробовала оглядеться.

– Привет, детка, – услышала совсем рядом и чертыхнулась.

Голос я узнала сразу. К тому моменту я успела решить, что всему происходящему обязана затеянному нами расследованию. Кто-то на него внимание обратил и счел опасным... Но теперь выходило, что дело вовсе не в расследовании...

Я села, все еще щурясь, и увидела обладателя знакомого голоса. Мой бывший муж опустился в кресло и весело помахал мне рукой. Я наконец огляделась и смогла убедиться: место совершенно незнакомое. Куда меня привез Забелин, а главное, зачем? Впрочем, кое-какие догадки начали появляться.

– Где мы? – спросила я, хотя очень не хотелось этого делать.

Хотелось встать и молча уйти, не тратя время на бессмысленные разговоры, но было ясно – подобное вряд ли осуществимо. На физиономии бывшего появилась ухмылка. В отличие от его залихватской улыбки, она меняла его лицо далеко не в лучшую сторону. Теперь он выглядел циничным

мерзавцем, кем и был в реальности. Добавьте к этому милому качеству подлость, жадность, беспринципность – и портрет будет полным.

– Ты у меня в гостях, – ответил он. – Я думал, тебе будет интересно взглянуть, как я устроился.

Забелин сделал широкий жест рукой, точно в самом деле предлагал оценить работу дизайнера.

– Похоже, ты окончательно свихнулся, – сказала я, бросив тревожный взгляд на свою одежду. Джинсы, блузка, все на месте, только обуви нет. Тут же выяснилось: мои балетки стоят возле дивана, должно быть, он снял их с меня, чтобы обивку не испачкать. Не о моих же удобствах заботился... Я сунула ноги в балетки, слыша, как Забелин издал короткий смешок.

– Возможно, детка, возможно. В истории бывали случаи любовного безумия, что уж говорить о литературе...

– Любовное безумие? – переспросила я. – Это что-то новенькое.

– Сомневаешься в моих чувствах? – вновь хохотнул он.

– У тебя нет чувств, то есть какие-то наверняка есть, но не те, что свойственны нормальным людям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.